

ISSN 2409-8671

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-10-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru
ISSN: 2409-8671

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-10-2023

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Ryzhov Igor' Valer'evich - doktor istoricheskikh nauk, federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo", zaveduyushchii kafedroi istorii i politiki Rossii, 603005, Rossiya, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2, of. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Василий Рудольфович Филиппов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1 fvrd@rambler.ru

Тиберио Грациани — директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин

(Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Фролов Дмитрий Борисович — доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой "Компьютерное право" НИЯУ МИФИ. 115409, г. Москва, Каширское ш., 31 fdb@mail.cbr.ru

Аринин Александр Николаевич - доктор политических наук, академик РАЕН, директор Автономной некоммерческой организации "Институт федерализма и гражданского общества". 115035, Россия, г. Москва, ул.Ордынка Б., 21.

Безбородов Александр Борисович - доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 103012, Россия, г. Москва ул. Никольская, 15, кабинет 20.

Борисов Николай Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, исторический факультет

Буданова Вера Павловна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН

Галлямова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. 690022, Россия, г. Владивосток, Пушкинская, 89

Данилов Александр Анатольевич - доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.

Ершова Галина Гавриловна - доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления итальянского Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия). 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

Мартынова Марина Юрьевна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии Российской академии наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),

профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96,
48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Editorial collegium

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru .

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Vasily Rudolfovich Filippov — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1 fvrdr@rambler.ru

Tiberio Graziani is the Director of the Institute for the Study of Geopolitics and Related Disciplines (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Frolov Dmitry Borisovich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of

the Department of "Computer Law" of NRU MEPhI. 115409, Moscow, Kashirskoe sh., 31
fdb@mail.cbr.ru

Arinin Alexander Nikolaevich - Doctor of Political Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Autonomous Non-profit organization "Institute of Federalism and Civil Society". 115035, Russia, Moscow g, Ordynka B. str., 21.

Bezborodov Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 103012, Russia, Moscow, Nikolskaya str., 15, office 20.

Nikolay Sergeevich Borisov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia before the Beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 119991, Moscow, Russia, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Faculty of History

Budanova Vera Pavlovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Lyudmila Gallyamova - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690022, Russia

Danilov Alexander Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. 88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.

Yershova Galina Gavrilovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov of the Russian State University for the Humanities. Director for Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico), Member of the Board of the Italian Center for American Studies (Circolo Amerindiano, Perugia, Italy). 125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6

Martynova Marina Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Dean of the Faculty of Law, 430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Osipenko str., 40, sq. -, yulenkam@mail.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

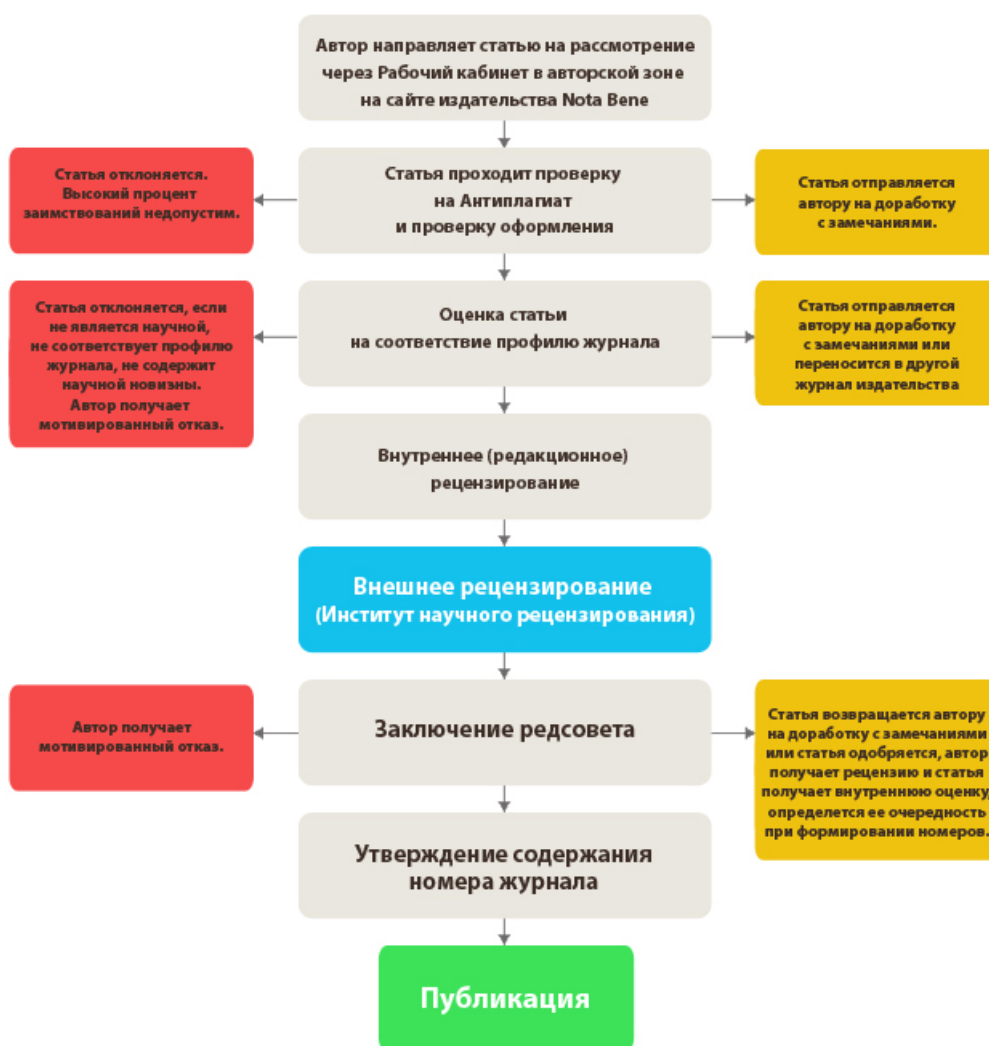
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Эльзени Н.Х. Военная интервенция в Ираке (Фальшивый призыв к демократии)	1
Ильина Е.В., Чипизубова П.А. Цифровизация на Ближнем Востоке: угроза региональной безопасности или инструмент ее поддержания?	15
Виноградова Е.А. Анализ военных метавселенных: на примере США, Индии и Китая	31
Деметрадзе М.Р., Шорохова С.П. Роль «Кремниевой долины» в современных геополитических процессах. Вызовы для постсоветских государств	46
Ведерникова М.И. Видение имиджа России европейцами с 2000 по 2014 год	59
Англоязычные метаданные	69

Contents

El'zeni N.K. The military intervention in Iraq (The Fake Call for Democracy)	1
Ilina E.V., Chipizubova P.A. Digitalization in the Middle East: a Threat to the Regional Security or a Way to maintain it?	15
Vinogradova E.A. Analysis of Military Metaverses: the Case of the USA, India and China	31
Demetradze M.R., Shorokhova S.P. The role of Silicon Valley in modern geopolitical processes. Challenges for post-Soviet States	46
Vedernikova M.I. Vision of the image of Russia by Europeans from 2000 to 2014	59
Metadata in english	69

World Politics

Правильная ссылка на статью:

El'zeni N.K. — The military intervention in Iraq (The Fake Call for Democracy) // Мировая политика. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.3.40795 EDN: AZLXFX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40795

The military intervention in Iraq (The Fake Call for Democracy) / Военная интервенция в Ираке (Фальшивый призыв к демократии)

Эльзени Недал Хафез Закария Хафез

кандидат политических наук

аспирант, Институт международных отношений и мировой истории, Университет Лобачевского

603022, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 37

✉ nedalzakariya@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и методология международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.3.40795

EDN:

AZLXFX

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2023

Дата публикации:

10-06-2023

Аннотация: Эта статья предлагает всесторонний анализ военной интервенции в Ираке в 21-м веке с особым акцентом на предполагаемый «призыв к демократии», предпосылку, которая была предметом интенсивных споров и скептицизма. Изучая гипотезу «ложного призыва к демократии», в статье выясняется, было ли стремление к демократическому управлению подлинной целью вторжения или прикрытием для других стратегических интересов. Анализ охватывает исторический контекст, предшествующий вторжению, хронологию ключевых событий во время конфликта, а также непосредственные и длительные последствия нападения на политические, социальные и экономические структуры Ирака. Он дает тонкое понимание мотивов международных вмешательств, особенно когда они облечены в риторику продвижения демократии или прав человека. Военная интервенция в Ираке считается одним из самых значительных и спорных эпизодов начала 21 века. С точки зрения исторической рефлексии «призыв к демократии», оправдывавший вторжение, окутан спорами, дебатами и критикой. Последствия вторжения привели к ненадежной, глубоко ошибочной демократии,

определяемой межконфессиональным насилием, экономической нестабильностью и политической коррупцией, а не к предполагаемой стабильной и процветающей демократической нации. Этот анализ подчеркивает жизненно важную важность критического изучения мотивов и обоснований глобальных держав, когда они вмешиваются в международные конфликты. Привлекательная риторика о распространении демократии и защите прав человека, как это видно в случае с Ираком, иногда может скрывать скрытые цели.

Ключевые слова:

вмешательство в Ирак, подделка демократии, международные интервенции, продвижение демократии, права человека, геополитические стратегии, последствия после вторжения, экономическая нестабильность, политическая коррупция, военное вмешательство

Introduction

The article remains highly relevant given its focus on examining the reasons behind the US military intervention in Iraq in March 2003. This year marks the 20th anniversary of the coalition forces' invasion, which lends relevance not only to the events of two decades ago but also to their reinterpretation in light of contemporary realities. The author seeks to address the question of whether the invasion was genuinely aimed at spreading democracy in the Middle East or if the democratic rhetoric merely masked Washington's true motives.

Analyzing the intentions and justifications behind the Iraq War holds great significance as it provides insights into the complexities of international relations, the impact of military interventions, and the pursuit of strategic interests. By critically examining the purported call for democracy and investigating potential ulterior motives, the article contributes to a deeper understanding of the Iraq War and its long-lasting implications.

Furthermore, in the context of ongoing geopolitical developments and the evolving dynamics of the Middle East, revisiting the events and motives surrounding the Iraq War allows for a reassessment of regional power struggles, the consequences of interventionism, and the role of democracy promotion in contemporary international politics. The article's exploration of these issues encourages readers to reflect on the broader implications of the Iraq War and its resonance in the present global landscape.

The focus of this article is to dissect the narrative surrounding the military intervention in Iraq, emphasizing the ostensible goal of promoting democracy. It scrutinizes the hypothesis of the «Fake Call for Democracy», suggesting that the real motives of the invasion may have been strategic interests other than establishing a democratic regime.

The purpose of this article is to examine critically the historical context leading up to the invasion, to trace the chronology of key events, and to explore both the immediate and enduring consequences of the attack. A detailed analysis will probe into whether the promotion of democracy was a genuine intent or a mere facade masking ulterior motives.

The scientific novelty in this article lies in its examination of the "Fake Call for Democracy" hypothesis regarding the military intervention in Iraq. The present study aims to uncover a comprehensive range of factors (domestic, geopolitical, economic, cultural) that led to the intervention, and it is in this endeavor that its scientific novelty lies. While researchers,

policymakers, and experts, including during the administration of George W. Bush, have acknowledged that democratic rhetoric can mask more pragmatic interests, this study offers a more nuanced and profound understanding of the motivations behind international interventions, particularly when justified in terms of democracy promotion or human rights. It calls for future research to explore the specific geopolitical, economic, and domestic factors that may have influenced the decision to invade Iraq, as well as its impact on Iraq's social fabric. Evaluating the broader implications for international law, global governance, and the principle of "just war" is also deemed essential in this study.

Iraq before the Global Attack

The military intervention in Iraq in the early 21st century remains a significant and contentious event in world politics. The stated goal for the invasion was to establish democracy and overthrow the dictatorial regime of Saddam Hussein. Many critics, however, view this call for democracy as a guise for other ulterior motives, and hence the title «The Fake Call for Democracy».

Understanding the historical context of Iraq prior to the global attack is critical. Until the late 20th century, the country was under the authoritarian rule of President Saddam Hussein, a leader known for his ruthlessness and disregard for human rights.

Saddam Hussein rose to power in 1979 and quickly established an authoritarian rule characterized by severe human rights abuses. He ruled with an iron fist, maintaining power through fear and violence. His regime was marked by the pervasive use of torture, mass executions, and widespread repression. One of the most egregious acts of his rule was the use of chemical weapons against his own people, notably in the Halabja chemical attack in 1988, which is now recognized as a genocidal campaign against the Kurdish population in Iraq^[1].

Despite this, the Saddam era also marked a period of significant secularism and modernization, a point often overlooked in Western narratives. Under his rule, Iraq experienced major advancements in infrastructure, education, and women's rights. His government implemented a secular constitution, and religious extremism was brutally suppressed.

The Narrative and Impact of the U.S. Intervention in Iraq: An Analysis of Primary Sources

During the period from 2001 to 2003, the United States of America intervened in Iraq by undertaking military actions against the regime of Saddam Hussein. To explain and justify this intervention, the U.S. government, particularly President George W. Bush, Vice President Richard Cheney, and Secretary of Defense Donald Rumsfeld, developed and promoted a specific narrative. An analysis of primary sources, including speeches and press conferences by high-ranking officials, as well as official documents such as the "National Security Strategy of the United States (2002)"^[2] and the "Quadrennial Defense Review Report (2001)"^[3] allows for an examination of this narrative and its influence on the U.S. intervention in Iraq.

During the early stages of the attack on Iraq following the events of September 11, 2001, the U.S. government put forth the main argument linking Iraq to terrorism and the threat of weapons of mass destruction. President George W. Bush, in his speech before Congress on September 20, 2001, emphasized the need to combat terrorism, while his statement on May

1, 2003, declared the end of major combat operations in Iraq^[4]. These speeches reflected a narrative about the defense of U.S. national security and the necessity to counter the threat of terrorism.

Vice President Richard Cheney also actively voiced support for the intervention in Iraq. In his press conference on August 26, 2002, and his speech on March 26, 2003, he asserted that Iraq possessed weapons of mass destruction and posed a direct threat to the U.S. and its allies^[5]. This assertion reinforced the narrative of the need to prevent the potential use of weapons of mass destruction and protect national interests.

Secretary of Defense Donald Rumsfeld also played an active role in shaping the narrative. In his speeches on October 7, 2002, and May 7, 2003, he emphasized the importance of combating terrorism and the changes in the national security strategy^[6]. He drew attention to the necessity of employing force to achieve security and stability in the region.

Additionally, documents such as the "National Security Strategy of the United States" and the "Quadrennial Defense Review Report" played a significant role in shaping the narrative. These documents justified the intervention in Iraq from the perspective of national security and U.S. interests.

A common factor in the aforementioned speeches and documents was the focus on combating terrorism and the need to prevent the threat of weapons of mass destruction. This narrative greatly influenced public opinion and garnered support for military actions in Iraq from both the American public and the international community.

However, following the completion of major combat operations and the overthrow of Saddam Hussein's regime, the absence of discovered weapons of mass destruction and the ongoing violence and instability in Iraq raised doubts about the arguments presented in the narrative. Critics accused the U.S. government of manipulating intelligence data and exaggerating the threat posed by Iraq.

In conclusion, an analysis of the narrative accompanying the attack on Iraq shows that the U.S. government, including President George W. Bush, Vice President Richard Cheney, and Secretary of Defense Donald Rumsfeld, actively promoted arguments regarding the fight against terrorism and the threat of weapons of mass destruction. This narrative exerted significant influence on public opinion and support for the intervention in Iraq. However, the outcomes and consequences of this intervention raised doubts and criticism regarding the arguments presented.

Geopolitical and Economic Interests

Internationally, Iraq held a strategic position due to its vast oil reserves, ranking as the third-largest in the world. The dynamics of reported oil reserves for the five countries with the largest deposits, namely Saudi Arabia, Canada, Venezuela, Iran, and Iraq, can be illustrated over the period from 1980 to 2017, based on data from the US Energy Information Administration (see fig. 1). This made the country an area of interest for global powers, especially the United States and its allies. The critical turning point in Iraq's international relations came in 1990 when Saddam Hussein ordered the invasion of Kuwait. This act of aggression was met with strong international condemnation and led to the Gulf War in 1991.

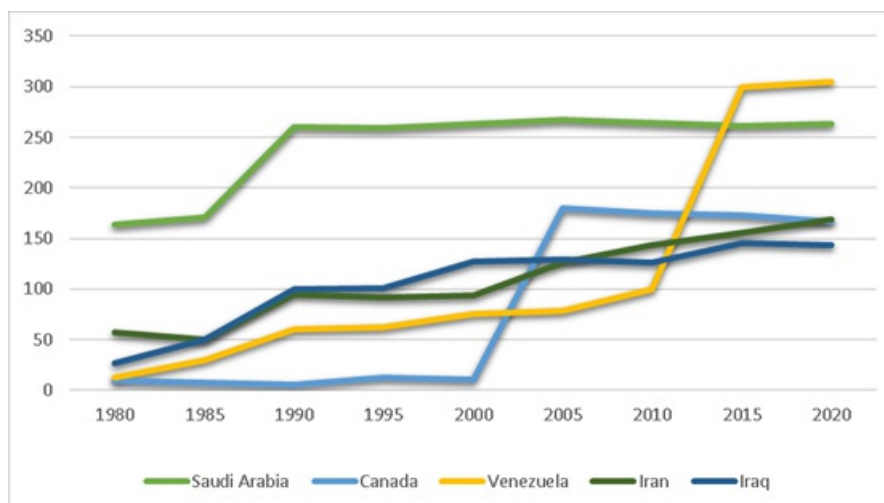

Fig. 1 - The dynamics of reported oil reserves for the five countries with the largest deposits, namely Saudi Arabia, Canada, Venezuela, Iran, and Iraq, during the period from 1980 to 2017, based on data from the US Energy Information Administration^[7]

The Gulf War ended with a decisive victory for the U.S.-led coalition but did not result in the removal of Saddam Hussein from power. However, the war left Iraq's infrastructure severely damaged, and the country was subjected to heavy economic sanctions by the United Nations. These sanctions had a devastating effect on Iraq's economy and led to a significant decline in living standards and a rise in child mortality rates.

In the years that followed, Iraq remained a pariah on the international stage while suffering from internal repression, economic decline, and social hardship. It was against this backdrop that the 2003 invasion was launched.

The period before the global attack has been extensively researched by many academics. Saïd K. Aburish, in his book «Saddam Hussein: The Politics of Revenge», provides a detailed account of Saddam Hussein's dictatorship^[8]. His analysis reveals that while Saddam's rule was harsh and dictatorial, it also ushered in a period of modernization and secularism. This nuance is important to understand when analyzing the effects and outcomes of the military intervention in Iraq.

Pretexts for Establishing Democracy

The military intervention in Iraq in 2003 was primarily justified by the U.S. and its allies on two grounds. The first being the assertion that Iraq possessed weapons of mass destruction (WMDs) that posed an imminent threat, and the second being the need to promote democracy in Iraq^[9].

However, in retrospect, both justifications have come under intense scrutiny. Post-invasion, no significant evidence of WMDs was found in Iraq. Authors like John J. Mearsheimer in «Why Leaders Lie: The Truth about Lying in International Politics» have discussed how the WMD argument could have been a strategic lie by the Bush administration^[10]. On the other hand, analysts like Neta C. Crawford in «Accountability for Killing: Moral Responsibility for Collateral Damage in America's Post-9/11 Wars» argue that it might have been a result of misinterpretation of intelligence^[11].

The pretext of promoting democracy in Iraq is another heavily debated topic. Critics argue that the call for democracy was a façade, used to garner support for the invasion, both

domestically and internationally. Noam Chomsky, in his book «Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance», asserts that the call for democracy was a guise to extend American hegemony^[12].

This assertion leads us to question: How did the narrative of promoting democracy manifest in the actual events that transpired during the invasion? To further explore this, it is essential to delve into the chronology and key events of the military intervention in Iraq. By looking at the sequence of events, we can assess whether the course of action aligns with the stated goal of fostering democracy, or if it supports Chomsky's argument about expanding American hegemony.

The invasion of Iraq began on March 20, 2003, led by U.S. forces along with troops from the United Kingdom, Australia, and Poland. The campaign, termed «Shock and Awe», saw rapid advances into Iraqi territory. Saddam's regime was quickly toppled, with Baghdad falling to U.S. forces by April 9, 2003^[13].

Post-invasion, the country was gripped by chaos, with looting and crime becoming widespread. Critics argue that the lack of a post-war plan led to a power vacuum and civil unrest. The establishment of the Coalition Provisional Authority (CPA) and the controversial de-Ba'athification policy further exacerbated the situation. Paul Bremer, the head of the CPA, has been criticized for his role in the mismanagement of post-war Iraq.

This period has been extensively studied by scholars like Larry Diamond in «Squandered Victory: The American Occupation and the Bungled Effort to Bring Democracy to Iraq», who critiqued the American approach towards establishing democracy in Iraq^[14].

The challenges that were seen in this period of immediate aftermath, from the breakdown of law and order to the struggles of the CPA in managing the transition, laid the groundwork for a host of more long-term issues. These subsequent problems comprise what can be seen as the true consequences of the military intervention in Iraq, which not only impacted the country's political structure but also had far-reaching implications on its social and economic fabric.

Actual Consequences of the Global Attack

The aftermath of the military intervention in Iraq carried wide-ranging political, social, and economic ramifications, painting a grim picture of a nation marked by instability, human suffering, and precarious progress.

Politically, the removal of Saddam Hussein's authoritarian regime, while initially hailed as a stride towards democracy, soon found itself marred by a host of issues. While the face of authoritarianism changed, many argue that its essence remained, albeit in a different guise. Iraq's political landscape post-invasion was rife with corruption, marked by sectarian politics, and burdened with emergent authoritarian tendencies^[15].

Toby Dodge in «Iraq: From War to a New Authoritarianism», provides a thorough exploration of these challenges^[16]. He suggests that the democratization process, rather than dismantling authoritarianism, effectively replaced it with a version that was ostensibly more palatable to the international community, yet just as damaging to the Iraqi people. The transition was further complicated by a poorly managed de-Ba'athification process and the disbandment of the Iraqi army, which fed into the sectarian divide and created a fertile ground for insurgency and civil unrest.

On the social front, the invasion and its aftermath unleashed a severe humanitarian crisis. Civilian casualties were high during the invasion, and violence continued to escalate in the ensuing chaos, leading to the displacement of millions of people. The dislocation and disintegration of civil society institutions further eroded social cohesion, exacerbating sectarian divisions and leading to widespread disillusionment and discontent. The long-term social effects of these disruptions continue to be felt, with successive generations bearing the brunt of the war's legacy.

Economically, the attack on Iraq and its subsequent occupation resulted in a profound upheaval. Despite its abundant oil reserves, Iraq has grappled with the Herculean task of economic recovery. Joseph Stiglitz and Linda Bilmes, in «The Three Trillion Dollar War: The True Cost of the Iraq Conflict», underscore the staggering economic costs of the war^[17]. They highlight the monumental direct and indirect costs, including the cost of maintaining security, rebuilding infrastructure, caring for veterans, and the broader economic impact on the global economy. Notably, these costs were not confined to Iraq, but extended to the invading countries as well, particularly the United States, further challenging the notion that the war was solely in pursuit of lofty democratic ideals.

Influence of the US and Its Allies in the Region

Emerging from the military intervention in Iraq, the anticipated establishment of a stable democracy seems more of a mirage than a tangible outcome. What emerges instead is a nation wrestling with the profound challenges of an unstable political order, deep societal fractures, and economic struggles.

These realities make it imperative to scrutinize the notion of a «call for democracy» that was used as one of the principal justifications for the invasion. Was it a genuine commitment to fostering democratic governance in Iraq, or was it, as some suggest, a more manipulative move with ulterior objectives?

The overthrow of Saddam Hussein in Iraq was seen as an opportunity for the United States and its allies to significantly strengthen their strategic foothold in the Middle East. Let's delve into some examples and provide numerical data and relevant sources to support these assertions:

- Existing Military Presence: The United States had a substantial military presence in the region before the invasion of Iraq. For instance, the U.S. maintained military bases in countries like Saudi Arabia and Qatar. These bases served as important hubs for conducting military operations, projecting power, and exerting influence in the region. The U.S. Fifth Fleet, based in Bahrain, also played a crucial role in safeguarding maritime trade routes in the Persian Gulf.

- Regional Stability and Counterterrorism Efforts: After the 9/11 attacks, the United States embarked on a global campaign against terrorism. In the context of the Middle East, removing Saddam Hussein was viewed as part of the broader objective to combat terrorism and promote stability in the region. Saddam Hussein's regime was accused of supporting or harboring terrorist organizations, which further justified the military intervention^[18].

- Geopolitical Interests: The Middle East's geopolitical significance, particularly its oil reserves, trade routes, and proximity to major global powers, cannot be overstated. By overthrowing Saddam Hussein and installing a friendly regime, the United States and its allies aimed to consolidate their influence and control over key strategic areas. Iraq's oil reserves, estimated to be the fifth-largest in the world, were a substantial factor in this

pursuit.

According to data from the U.S. Energy Information Administration, Iraq possessed proven oil reserves of approximately 112 billion barrels in 2001, just before the invasion^[19]. This represented a considerable share of global oil reserves. By gaining influence over Iraq's oil resources, the United States and its allies sought to ensure access to energy supplies and maintain favorable market conditions for their economies.

The expression of U.S. influence in the Middle East was evident through diplomatic, military, and economic dimensions. For example:

- Diplomatic Relations: The United States engaged in diplomatic negotiations with regional governments, shaping policies and alliances to align with its interests. It fostered close relationships with countries like Saudi Arabia, Egypt, and Israel, which further enhanced its influence in the region.
- Military Cooperation: The United States conducted joint military exercises, provided military assistance, and established military partnerships with regional allies. These collaborations strengthened its military presence and influence.
- Economic Partnerships: The U.S. engaged in economic partnerships and investments, particularly in the energy sector. It supported the development of oil infrastructure and contributed to economic development in the region.
- Cultural Exchanges: The United States promoted cultural exchanges and educational programs to foster ties and influence public opinion in the Middle East.^[20]

It is important to acknowledge that the extent and effectiveness of the United States' influence in the Middle East following the invasion of Iraq is a contentious and complex topic. The subsequent years witnessed challenges such as sectarian conflicts, the rise of extremist groups, and shifts in regional power dynamics that have influenced the overall balance of power and the United States' influence in the region.

In sum, the «Fake Call for Democracy» argument posits that the democratization agenda in Iraq served as a facade for deeper strategic objectives, whether they be related to oil, geopolitical influence, or domestic politics. This perspective provides a critical lens through which to interpret the motives behind the invasion and its aftermath.

Conclusions

The military intervention in Iraq stands as one of the most significant and contentious episodes of the early 21st century. From a lens of historical reflection, the «call for democracy» that justified the invasion is shrouded in controversy, debate, and criticism. The aftermath of the invasion has resulted in a precarious, deeply flawed democracy, defined by sectarian violence, economic instability, and political corruption, rather than the envisioned stable and prosperous democratic nation.

This analysis underscores the vital importance of critically examining the motivations and rationales of global powers when they intervene in international conflicts. The appealing rhetoric of spreading democracy and upholding human rights, as seen in the case of Iraq, can sometimes obscure ulterior objectives. While the ambition to foster democratic governance can be genuine in some cases, the potential for these laudable ideals to be employed as a smokescreen for other, less noble motivations is a reality that cannot be overlooked.

In conclusion, the article provides a comprehensive analysis of the military intervention in Iraq in the early 21st century and raises important questions about the motives and outcomes of the invasion. It highlights the contentious nature of the call for democracy, suggesting that it may have been a facade for deeper strategic objectives such as oil resources and geopolitical influence. The research emphasizes the negative consequences of the invasion, including the perpetuation of authoritarianism, social upheaval, and economic struggles in Iraq.

To avoid a similar situation in the future, it is crucial to learn from the mistakes made in Iraq. First and foremost, transparent and evidence-based justifications should be established before undertaking any military intervention. It is essential to critically evaluate intelligence information to avoid misinterpretations and strategic lies that can lead to unnecessary conflicts. Robust international mechanisms, such as United Nations resolutions and inspections, should be utilized to ensure that all diplomatic avenues have been exhausted before resorting to military action.

Additionally, the international community must prioritize diplomacy and peaceful conflict resolution. Rather than relying solely on military force, diplomatic negotiations, mediation, and dialogue should be pursued to address political crises and promote stability. International organizations should play a central role in facilitating diplomatic efforts and ensuring the adherence to international law.

Looking ahead, it is challenging to predict the exact actions that the United States will take regarding the ignition of conflicts worldwide. However, it is essential for the United States to adopt a more balanced and cautious approach to its foreign policy. Rather than pursuing unilateral actions, a multilateral approach that considers the interests and perspectives of other nations should be embraced. Promoting cooperation, dialogue, and respect for international norms and institutions will be crucial in reducing tensions and preventing conflicts.

Furthermore, the United States should prioritize the well-being and development of nations instead of pursuing narrow self-interests. Investing in sustainable development, education, and capacity-building programs in vulnerable regions can help address root causes of conflicts, reduce inequality, and promote long-term stability.

In conclusion, the invasion of Iraq and its aftermath serve as a sobering reminder of the complexities and consequences of military interventions. By learning from this experience and adopting a more inclusive and diplomatic approach, it is possible to work towards a more peaceful and just world order. It is imperative that nations strive to resolve conflicts through peaceful means, prioritize the well-being of people, and promote democratic principles without ulterior motives. Only by doing so can we hope to avoid the mistakes of the past and build a better future for all nations and their citizens.

Библиография

1. Стратегия национальной безопасности. Сентябрь 2002 г. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>
2. Четырёхлетний отчёт об обзоре обороны. Сентябрь 2001 г. URL: <https://www.comw.org/qdr/qdr2001.pdf>.
3. Абуриш С.К. (1999). Саддам Хусейн: политика мести. Издательство Блумсбери, -416с.
4. Хомский Н. (2004). Гегемония или выживание: стремление Америки к глобальному господству. Столичные книги, -320с.

5. Кроуфорд, Северная Каролина. (2013). Ответственность за убийство: моральная ответственность за сопутствующий ущерб в войнах Америки после 11 сентября. Издательство Оксфордского университета, -486с.
6. Даймонд Л. (2005). Утраченная победа: американская оккупация и неудачные попытки установить демократию в Ираке. Книги Таймс, -411с.
7. Додж Т. (2012). Ирак: от войны к новому авторитаризму. Рутледж, -220с.
8. Дудайты А.К. (2016). война в Ираке 2003. г и позиция ведущих государство-членов ЕС. Через время: История. Политология, 1(122), 56-60с.
9. Дайсон, С.Б. (2009). "Всякое бывает": Дональд Рамсфелд и война в Ираке. Анализ внешней политики. Издательство Оксфордского университета, 5(4), 327-347.
10. Миршаймер Дж. Дж. (2011). Почему лидеры лгут: правда о лжи в международной политике. Издательство Оксфордского университета, -132с.
11. Стиглиц Дж. и Билмс Л. (2008). Война за три триллиона долларов: истинная цена конфликта в Ираке. w.w. Нортон и компания, -336.
12. Кэрролл Д. Джоселин К. (2023). Оглядываясь назад на то, как страх и ложные убеждения укрепили общественную поддержку США войны в Ираке 14 марта 2023 г. Доступно по ссылке:
<https://www.pewresearch.org/politics/2023/03/14/оглядываясь-на-то-как-страх-и-ложные-убеждения-подкрепляли-общественную-поддержку-США-войны-в-Ираке/>
13. Глобальная война с терроризмом. Глобальная война с терроризмом - это международная военная кампания под руководством США, начатая после террористических атак 11 сентября 2001 года. URL:
<https://www.georgewbushlibrary.gov/research/topic-guides/global-war-terror>
14. Краткий анализ страны Ирака. URL-адрес Управления энергетической информации США: <https://www.eia.gov/international/overview/country/IRQ>.
15. Ирак, 2003 г. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ur/about-us/memorial/iraq-2003>.
16. Ирак. Реканструкция и инвестиции. Получено в 2018 г. URL:
<https://documents1.worldbank.org/curated/en/600181520000498420/pdf/123631-REVISED-Iraq-Reconstruction-and-Investment-Part-2-Damage-and-Needs-Assessment-of-Affected-Гуверноратес.pdf>
17. Война в Ираке: предыстория и обзор проблем URL:
<https://www.everycrsreport.com/reports/RL31715.html>
18. Рейтинги об энергетике в мире. Управление энергетической информации США URL:
<https://www.eia.gov/international/data/world>
19. Тирпак, Дж.А. Специальное издание Aerospace World: Desert Triumph. Проверено 10 апреля 2023 г., URL: [HTTPS://www.airandspaceforces.com/article/0503triumph/](https://www.airandspaceforces.com/article/0503triumph/)
20. Война в Ираке. Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/war-in-iraq-1>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. С учётом сформированного автором заголовка, статья должна быть посвящена глобальной атаке на Ирак с учётом фальшивого призыва к демократии. Содержание статьи соответствует выбранному направлению исследований, но какие-

либо причинно-следственные связи автором не выявлены, тезисы не обоснованы.

Методология исследования базируется на изложении исторических фактов по заявленному вопросу, а приводимые тезисы не подкрепляются какими-либо обоснованиями (в т.ч. графическими), о чём будет подробно описано в пункте «Стиль, структура и содержание». При доработке статьи автору рекомендуется использовать числовые данные для обоснования своей позиции, а также графический метод для демонстрации причинно-следственных связей.

Актуальность исследования вопросов, поднимаемых автором, не вызывает сомнения, и обусловлена активным участием США в стимулировании возникновения различных конфликтных ситуаций во всём мире. Данные научные исследования будут востребованы как в научном сообществе, так и у специалистов – практиков, занимающихся вопросами развития международных отношений и политического урегулирования конфликтных ситуаций, возникающих между странами.

Научная новизна в рецензируемых материалах отсутствует, но потенциально она может быть сформирована при условии проведения соответствующего научного исследования по заявленным вопросам.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения, в целом, научный, если оценивать с позиции отсутствия выражений разговорного и публицистического стилей. Структура статьи автором выстроена и включает два блока: «Введение» и «Заключение» (они так и обозначены в тексте: «Introduction» и «Conclusions»). Рекомендуется автору дополнить текст основной частью, в рамках которой будут представлены результаты анализа числовых данных, характеризующих рассматриваемые явления и процессы, в обоснование заявленных тезисов. Например, автор утверждает, что «Ирак обладает пятью по величине доказанными запасами нефти в мире», однако не приводит никакого обоснования своему тезису (рекомендуется дать график с указанием объёмов запаса нефти по странам с обязательным приведением ОФИЦИАЛЬНОГО источника таких данных). Также автор говорит о том, что «Свергнув Саддама Хусейна... США и их союзники могли бы значительно укрепить свой стратегический плацдарм на Ближнем Востоке»: а какие к этому были предпосылки? Какое у США уже было сформировано влияние к этому моменту и в чём оно выражалось? Аналогично необходимо пройти по каждому тезису, т.к. научная статья – это не набор выдержек из трудов других авторов. В заключительной части статьи необходимо чётко обосновать значение результатов проведённого исследования: как можно было бы избежать данной ситуации? Что можно сделать на будущее? Также было бы интересно узнать авторские обоснованные прогнозы дальнейших действий США по разжиганию конфликтов в мире.

Библиография. Библиографический список, сформированный автором, включает 11 источников. При этом, публикаций, вышедших после 2013 года, в нём не удалось обнаружить, что говорит о недостаточном изучении методологической базы. При доработке статьи автору следует обязательно изучить отечественные и зарубежные публикации, вышедшие за последние несколько лет.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на сформированный список источников, по тексту не указано ни одной ссылки. При доработке статьи автору следует уделить внимание не только расширению перечня изданий, но и повышению качества работы с ними. Полученные результаты исследования необходимо обязательно обсудить с итогами, отражёнными в научных публикациях других авторов.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом всего вышеизложенного, несмотря на актуальность поднимаемых вопросов, статья в текущей редакции не имеет научной ценности, не будет востребована у читательской аудитории журнала. Поэтому её рекомендуется направить на доработку, после проведения которого следует вернуться к рассмотрению вопроса о возможности опубликования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию причин, стоявших за военной интервенцией США в Ирак в марте 2003 года. В этом году исполнилось 20 лет с момента вторжения коалиционных сил в эту страну, что придает актуальность если не самим событиям 20-летней давности, то их (пере)осмыслению в современных реалиях. При этом автор стремится ответить на вопрос - было ли это вторжение в действительности направлено на распространение демократии на Ближнем Востоке или демократическая риторика лишь прикрывала реальные мотивы Вашингтона? Согласно автору, достижение цели статьи предполагает решение таких методологических задач как "исследование нарратива, сопровождавшего атаку на Ирак" и "исследование исторического контекста интервенции". Здесь сразу нужно оговориться, что в дальнейшем никакого исследования нарратива (то есть дискурса) автор не предпринимает. Так, в списке источников нет ни одного выступления официальных должностных лиц США того времени (Дж. Буш-мл., Р. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц, К. Райс и др.) или официального документа (Стратегии национальной безопасности, оборонные стратегии и др.), на основе анализа которых можно было бы судить о существовании вышеупомянутого нарратива и его влиянии на интервенцию США в Ирак. Вместо этого автор ограничивается лишь кратким анализом исторического контекста, в котором происходили описываемые события. Что касается научной новизны исследования, то на мой взгляд она прослеживается преимущественно в стремлении автора выявить широкий комплекс причин (внутриполитических, геополитических, экономических, культурных), приведших к интервенции. То, что демократическая риторика может лишь прикрывать более прагматичные интересы, говорилось многими исследователями, политиками и экспертами еще во времена администрации Дж. Буша-мл. Ничего принципиально нового здесь нет. С точки зрения стиля, текст производит весьма благоприятное впечатление - он написан хорошим английским языком, повествование отличается логичностью, аргументация ясная и непротиворечивая. В то же время, стоит отметить, что помимо введения и заключения в статье присутствует только один раздел, который дословно повторяет название статьи - "The global attack on Iraq (fake call for democracy)". Автор стоит принять во внимание, что названия подразделов статьи должны отличаться от названия всей рукописи. Также вызывает сомнение то, что автор характеризует атаку на Ирак как "глобальную". Если в интервенции, помимо самих США, участвовали лишь Великобритания, Австралия, Польша и еще несколько союзников, что могло сделать эту интервенцию "глобальной"? Я бы предложил использовать словосочетание "военная интервенция в Ирак" вместо явно преувеличенного "глобальная атака на Ирак". Библиография статьи, как я уже указывал выше, явно нуждается в дополнении за счет первоисточников, позволяющих сформировать представление о нарративе военной интервенции в Ирак 2003 года. В целом, при условии проведения соответствующей доработки, автор вполне может прийти к выводам, представляющим интерес для читательской аудитории.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

События последних лет – сирийский и украинский кризисы, ситуация вокруг Тайваня, перемены в Афганистане – не только специалисты (политологи, философы, историки), но и рядовые наблюдатели понимают как начало драматичного перехода от монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в рамках которого ведущими акторами наряду с Вашингтоном будут Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. В конечном итоге, возникший на руинах социалистического лагеря однополюсный мир показал свою неспособность решить мировые проблемы, а за фасадом «борьбы за демократию» евро-атлантический мир по сути устанавливал контроль за ресурсами и узловыми пунктами. И сегодня под маской «демократизации» западный мир оправдывает как прямую агрессию, так и попытки культурной гегемонии в различных районах мира. Одним из примеров подобного является борьба вокруг Ирака, где подобные идеи Запада нашли яркое воплощение. К слову, война в Персидском заливе начала 1991 г. стала по мнению целого ряда экспертов первым конфликтом между объединенным «Севером» и «Югом». Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является идеологическое обоснование западным блоком вторжения в Ирак в 2003 г. Автор ставит своими задачами проанализировать широкий спектр факторов (внутренних, геополитических, экономических, культурных), которые привели к интервенции Запада в Ирак, а также определить последствия вторжения для современного мира, в том числе для международного права.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать «ложный призыв к демократии» относительно военной интервенции в Ираке.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на различные отчеты, а также Стратегию национальной безопасности США, представленные в открытых источниках. Из используемых исследований отметим труды Д. Даймонда, Д. Стиглица, Т. Доджа, которые рассматривают различные аспекты иракского кризиса начала XXI в. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, с элементами публицистики, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как международными отношениями, в целом, так и информационными войнами западных стран, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что хотя режим С. Хусейна отличался авторитаризмом, тем не менее западные эксперты обычно упускали из виду равноправие мужчин и женщин в Ираке, секуляризацию и другие демократические процессы. В работе

показано, что «программа демократизации в Ираке служила фасадом для более глубоких стратегических целей, будь то связанные с нефтью, геополитическим влиянием или внутренней политикой». Оценивая результаты вторжения западной коалиции в Ирак, автор справедливо отмечает необходимость придания американской внешней политике взвешенности: «вместо односторонних действий следует использовать многосторонний подход, учитывающий интересы и точки зрения других стран».

Главным выводом статьи является то, что «крайне важно, чтобы страны стремились разрешать конфликты мирными средствами, ставить во главу угла благополучие людей и продвигать демократические принципы без скрытых мотивов».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, написана на английском языке, снабжена рисунком, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования стратегий российско-иракских отношений.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) Библиография статьи должна быть приведена в соответствие с требованиями журнала, в нее также можно добавить труды российских авторов.
- 2) Необходимо уточнить, какое место по запасам нефти в мире занимает Ирак.
- 3) Читателям было бы интересно узнать, какие сейчас взгляды на вторжение в Ирак имеются в американской политической элите.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Мировая политика».

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Ильина Е.В., Чипизубова П.А. — Цифровизация на Ближнем Востоке: угроза региональной безопасности или инструмент ее поддержания? // Мировая политика. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.3.38743 EDN: XRNRYRT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38743

Цифровизация на Ближнем Востоке: угроза региональной безопасности или инструмент ее поддержания?

Ильина Елизавета Владимировна

студент, кафедра мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)

119454, Россия, город Москва, г. Москва, ул. Пр. Вернадского, 76, корп. В

✉ ilinaelizaveta2002@gmail.com

Чипизубова Полина Андреевна

студент, кафедра мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)

119454, Россия, город Москва, г. Москва, ул. Вернадского, 76, корп. В

✉ chip-polina2002@mail.ru

[Статья из рубрики "Выводы и угрозы международной безопасности"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.3.38743

EDN:

XRNRYRT

Дата направления статьи в редакцию:

09-09-2022

Дата публикации:

19-09-2023

Аннотация: В качестве предмета данного исследования выступают основные угрозы и преимущества, связанные с цифровизацией в ближневосточном регионе на современном этапе. В основе работы лежит исследовательский вопрос, какая сторона влияния цифровизации – положительная или деструктивная – превалирует на Ближнем Востоке, и какие перспективы ожидают этот регион в цифровой сфере. Анализируются интересы ключевых региональных игроков в киберсфере (Саудовской Аравии, ОАЭ, Турции, Ирана и др., а также антисистемных негосударственных акторов), а также

региональные и национальные инициативы в данной отрасли, среди которых "Щит полуострова", "Видение-2030" и другие. Научная новизна исследования заключается в неклассическом подходе к проблемам безопасности на Ближнем Востоке, а именно через призму цифровой сферы с учетом ее комплексности и множественности ее акторов. Теоретическая база исследования строится на неолиберальном подходе к мировой политике, в частности, на концепции комплексной взаимозависимости, поскольку авторы опираются на постулат, что мирополитическая сфера находится в неразрывной связи с другими, а также складывается из множества разнородных акторов и связей между ними. С точки зрения изучения региональной интеграции на Ближнем Востоке доминирующим подходом является неофункционализм, разработанный Э. Хаасом, в частности, теория «перелива» («spillover»). В качестве методов исследования используются описание, изучение официальных документов и статистических данных, ситуационный анализ, сравнительный анализ, что позволило дать оценку ключевым угрозам и перспективам для региональной безопасности и их соотношению. Авторы приходят к выводу, что ключевую угрозу для региона представляют разобщенность интересов акторов и связанная с этим возможность обострения политических противоречий. Тем не менее, цифровизация предоставляет Ближнему Востоку такие преимущества, как углубление региональной интеграции и включение в международную кооперацию, рост мягкой силы и потенциал диверсификации экономики.

Ключевые слова:

Цифровизация, Ближний Восток, кибербезопасность, антисистемные акторы, региональная интеграция, Щит полуострова, ССАГПЗ, мягкая сила, Иран, Саудовская Аравия

Введение. В начале XXI века американский политолог ливанского происхождения Николас Талеб разработал **теорию «черного лебедя»**. «Черный лебедь», в его понимании, это некое переломное для истории событие, которое является, с одной стороны, беспрецедентным и трансформативным, а с другой – вполне рационально объяснимым в ретроспективе. Все события, изначально вызвавшие широкий общественный резонанс, будь то Арабская весна, война в Йемене, или запуск ядерной программы Ирана, со временем настолько прочно укоренились в нашем восприятии мира и получили столько логических объяснений, что теперь они представляются нам чуть ли не единственным возможным исходом череды событий и процессов, предшествовавших им. Этот удивительный феномен Талеб объясняет когнитивными искажениями, присущими человеческому мышлению, однако в связи с этим он приходит к неутешительному выводу: сколько бы предпосылок не находилось в поле нашего зрения, появление очередного «черного лебедя» крайне трудно «просчитать», как и его последствия, зачастую складывающиеся в бесконечный косяк новых лебедей.

Данная концепция представляет большой аналитический интерес с точки зрения ближневосточного региона: во-первых, данный регион за последние пару десятилетий принял на себя столько «черных лебедей», сколько ни один другой, а во-вторых, Ближний Восток представляет собой сложное хитросплетение различных факторов, которое, с одной стороны, является источником внутренней нестабильности в регионе, а с другой, причиной его относительной автономности и невосприимчивости к внешнему влиянию, поэтому любой «черный лебедь» неизбежно приобретает на Ближнем Востоке два параллельных измерения.

В числе «черных лебедей» Талеб выделяет изобретение Интернета и последовавшую за ним повсеместную **цифровизацию**. Понятие цифровизации, которое, как считается, было введено в 1995 г. Николасом Негропonte ^[1], неоднозначно и до сих пор трактуется по-разному как политиками, так и учеными. Так, М.М. Гоббл из Брукингского Института определила цифровизацию как «процесс использования цифровых технологий и информации для трансформации экономических, социальных, политических и др. процессов» ^[2]. Исследовательница из СПбГУ А.Н. Сытник предложила следующее определение: «продолжающийся переход на цифровые технологии во всех сферах жизни общества и датафикация, т.е. накопление больших данных в целях оптимизации, изучения и прогнозирования экономической и политической деятельности и социальных процессов» ^[3]. Её коллега из СПбГЭУ В.А. Плотников трактует это явление как «процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности» ^[4]. Учитывая основные аспекты данных дефиниций, мы предлагаем более узкое определение цифровизации с мирополитической точки зрения, которое представляет это явление не как целенаправленную деятельность определенных акторов, а как более стихийный процесс, зависящий от множества факторов: **«процесс усиления роли цифровых технологий во внутри- и внешнеполитической жизни государств, оказывающий влияние на взаимодействие её участников»**.

Глобализация открыла ей двери даже в самые обособленные и консервативные уголки земного шара. Не остался в стороне и Ближний Восток, для которого цифровизация выступает одновременно и двигателем прогресса, и источником немыслимых ранее угроз. В основе нашего исследования лежит **вопрос**, какая сторона влияния цифровизации – положительная или деструктивная – все-таки превалирует на Ближнем Востоке, и какие перспективы ожидают этот регион в цифровой сфере.

Несмотря на вышеприведенные рассуждения по поводу проблематичности политического прогнозирования выше, Талеб не утверждает о его бессмысленности. Напротив, согласно его концепции, прогноз будет иметь существенную значимость, если не высчитывать вероятность тех или иных сценариев, опираясь на мелочи, а лишь ограничивать область возможного, руководствуясь общими тенденциями и анализируя ситуацию комплексно, что мы и планируем сделать в нашей работе.

Цифровизация как элемент ближневосточной реальности. В последние годы цифровизация на Ближнем Востоке обрела невиданные масштабы: по итогам 2020 года многие страны региона в рейтинге цифровизации Harvard Business Review были отнесены либо в группу лидеров, либо перспективных стран ^[5]. Количество пользователей Интернета в ближневосточном регионе за последние пять лет выросло на 59%, что сделало его лидером по темпам прироста пользователей ^[6]. Страны региона также уже не первый год возглавляют рейтинги по проникновению соцсетей ^[7]. Активно идет «арабизация» мировой паутины: за 10 лет процент контента на арабском языке от всего контента в Интернете вырос более, чем на 2500%. Такая краткая статистическая справка наглядно показывает масштабы цифровизации на Ближнем Востоке и её влияния на жизнь региона.

Первые плоды этих процессов оказались разрушительными: с одной стороны, волны политически мотивированных кибератак в начале века, вызванных «интифадой Аль-Акса» и терактом 11 сентября 2001 г. ^[8], с другой – Арабская весна, одним из ключевых факторов которой стали информационно-коммуникативные технологии. Во время

Арабской весны Ближний Восток впервые столкнулся с тем, что сейчас называется **информационной войной**, с присущими ей манипуляциями общественным мнением, фейковыми новостями, эмоциональными мифами. С тех пор эти явления сопровождали буквально каждый кризис в регионе. Событием, которое придало цифровой безопасности на Ближнем Востоке глобальное мирополитическое измерение, стала кибератака вируса нового поколения Stuxnet (разработанного, согласно экспертизе, Израилем совместно с США), который не только нанес существенный ущерб иранской ядерной программе, но и продемонстрировал, насколько деструктивное воздействие может иметь кибероружие в масштабах целых государств.

Так сложилось, что Ближний Восток, будучи одним из самых конфликтных регионов мира, стал еще и своеобразной ареной для ожесточенного цифрового противостояния, в которое оказались вовлечены самые разнообразные акторы, от традиционных региональных стран-антагонистов в лице, например, Ирана и Израиля, а также внешних игроков, таких как США, до неклассических субъектов, таких как кибертеррористы или хакерские группировки. Новообразовавшееся цифровое измерение ближневосточной безопасности не только унаследовало уже тянущиеся десятилетиями конфликты, но и «обогатилось» новыми, еще крепче затянув узел противоречий.

Страны Ближнего Востока далёки от формирования консолидированной позиции по вопросам кибербезопасности. С 2017 г. активизировались взаимные обвинения ОАЭ, Саудовской Аравии, Катара, Египта и других арабских стран в кибератаках и компьютерном шпионаже. В связи с эскалацией цифровой конфронтации в регионе происходит постепенное наращивание наступательных кибервооружений ^[9]. По данным Global Security Index, страны региона значительно разнятся по уровню киберзащищенности: лидеры Саудовская Аравия и ОАЭ заняли 2-е место 5-е места (наравне с Россией, между прочим) соответственно, на 20-х строчках расположились Египет, Оман, Катар, а такие страны, как Сирия и Йемен и вовсе замыкают рейтинг ^[10]. Поэтому стабильность в сфере кибербезопасности на Ближнем Востоке напрямую зависит от ключевых акторов, баланс интересов которых является единственным ключом к устойчивой архитектуре региональной цифровой безопасности, а его нарушение – верным путем к краху этой архитектуры. Исходя из этого, предлагаем перейти к детальному анализу крупнейших игроков на ближневосточной киберарене.

На региональном уровне выделяется ключевая диада киберпротивостояния Саудовской Аравии и Ирана, которые продвигают диаметрально противоположные видения архитектуры кибербезопасности в регионе, и это спровоцировало формирование своеобразных **блоков безопасности** вокруг данных полюсов. В арсенале Саудовской Аравии поддержка наиболее влиятельных стран региона, таких как ОАЭ и Израиль, а также внешних игроков преимущественно в лице США, тогда как на иранской стороне, помимо некоторых внерегиональных акторов, косвенно выступают множественные неклассические акторы цифровой безопасности. Рассмотрим сложившуюся систему акторов.

Саудовская Аравия. Саудовская Аравия является признанным лидером арабских стран и исламского мира в области кибербезопасности, менее чем за десять лет полностью трансформировав государственную политику в цифровой сфере и вырвавшись с 20-х позиций на вторую. Помимо совершенствования киберинститутов на национальном уровне, Саудовская Аравия взяла уверенный курс на международную кооперацию в данной области в рамках таких площадок, как МСЭ, специализированные группы ООН, ЛАГ, что позволило ей стать полноправным участником глобальных цифровых процессов,

но в то же время поставило в ситуацию взаимозависимости с развитыми странами, по большей степени с США. Опыт международного сотрудничества во многом был использован Саудовской Аравией для выстраивания собственного блока коллективной кибербезопасности под своим началом на Ближнем Востоке, который формируется в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)^[11]. В основе этого условного «блока» лежит скорее западное понимание цифровой безопасности, которое относится скорее к техническим аспектам киберугроз, нежели к их социально-политическим последствиям. Такое толкование информационной безопасности становится объектом существенных разногласий между странами ССАГПЗ и другими государствами региона. Однако успехи Королевства в цифровизации тем не менее позволили ему стать своеобразным региональным центром притяжения и привлечь таких союзников по цифровой проблематике, как ОАЭ, Кувейт, Бахрейн.

Значительную роль для Саудовской Аравии цифровой фактор сыграл в противостоянии с Йеменом. В 2015 г., в связи с вмешательством Королевства во внутренний конфликт, в Йемене резко радикализировались антисаудовские настроения, что вылилось в том числе в череду кибератак хакерской группировки, которая называла себя Йеменской киберармией. Среди преступлений Йеменской киберармии были масштабная кража данных у МИДа Саудовской Аравии, атака на государственные СМИ, передача государственных документов WikiLeaks^[12]. Несмотря на то, что активность группировки прекратилась в тот же год, она спровоцировала множество дипломатических скандалов, в том числе по причине того, что ключевые заказчики и участники проекта так и не были идентифицированы; а также она стала катализатором экстренного укрепления системы национальной кибербезопасности Саудовской Аравии.

Израиль. Израиль, хотя и не является идейным единомышленником Саудовской Аравии, в цифровой сфере довольно часто выступает в роли ее неожиданного союзника по принципу общего покровителя – США – и общего противника – Ирана. На плодотворное развитие сотрудничества указывает также подписание «Авраамских соглашений» 2020 г., в которых арабские страны, в частности союзники Саудовской Аравии ОАЭ и Бахрейн, заявляют о нормализации отношений с Израилем, в том числе и в киберсфере. Также страны ССАГПЗ во многом зависимы от Израиля в цифровом секторе: у арабских стран заключены дорогостоящие контракты с известными израильскими киберкомпаниями, а некоторые госведомства работают на особом израильском софте^[13].

В целом система национальной кибербезопасности Израиля крайне налажена и отточена, ее характерной чертой является огромное количество киберподразделений, интегрированных в государственные органы, которые создаются специально под различные проекты, и членов которых набирают в том числе из хакерских группировок^[14]. Такие легальные хакерские подразделения получили название «**белые шляпы**».

Интересен факт израильского сотрудничества с Катаром в условиях их взаимного непризнания. **Катар** в целом играет довольно противоречивую роль в региональной кибербезопасности: с одной стороны, Катар является союзником Саудовской Аравии по ССАГПЗ и в поле публичной политики ведет активный пропалестинский курс, с другой стороны, Катар активно сотрудничает с Израилем в области цифровой безопасности, и параллельно выступает важным экономическим партнером Ирана – стратегического противника всех вышеперечисленных. Но что касается цифровой кооперации Израиля и Катара, Катар использовал модель, подобную аутсорсингу^[15]. В первой половине 2010-х гг., когда Катар еще не обладал собственной развитой системой защиты от киберугроз, страна объявляла тендеры на укрепление цифровой безопасности, и большую их часть

заняли израильские компании (в частности, ClearSky Cyber Security). Израильские «белые шляпы» также неоднократно принимали участие в отражении кибератак на Катар: например, при атаке Ирана на нефтегазовые объекты с использованием вируса Shamoon в 2012 г. Со временем Катар наладил национальную систему киберзащиты, при этом сотрудничество с Израилем в данной сфере по инерции сохранилось, однако так и не выйдя на публичный уровень по политическим причинам: в официальных документах Катара Израиль выступает как «консультант» или «подрядчик».

Турция. Турция является еще одним претендентом на региональное лидерство в киберсфере [\[13\]](#), что делает ее скорее оппонентом для стран ССАГПЗ в силу совпадения зон интересов. Турция крайне серьезно подходит к вопросам цифровой безопасности: с 2012 г. в стране функционирует соответствующее ведомство, под началом которого находятся не менее 13 тыс. служащих «Турецкой киберармии» Türk Siber Ordusu, цифровая деятельность подкреплена национальными кибердоктринами [\[16\]](#). Страна во многом перенимает опыт западных партнеров, нанимая зарубежных консультантов и принимая участие в международных киберучениях. В последнее время Турция активно наращивает свое наступательное кибервооружение и расширяет сотрудничество с хакерским сообществом, что провоцирует опасения Саудовской Аравии и ее сателлитов. Тем не менее, Турция вовсе не настроена на противостояние со странами Персидского залива, скорее наоборот – на сотрудничество в интересах своих киберкомпаний. Во-первых, надежным союзником Турции также является Катар, и столкновение между Турцией и ССАГПЗ сорвало бы процесс нормализации отношений между ССАГПЗ и Катаром после дипломатического кризиса 2017 г. Во-вторых, страны Персидского залива все же не представляют для Турции угрозы, в отличие, например, от Египта или хакерских подразделений «Движения Гюлена» и «Рабочей партии Курдистана» [\[16\]](#).

Египет. С точки зрения кибер-мощи, Египет в целом выступает на равных со странами Персидского залива, и потому может позволить себе продвигать собственные интересы, зачастую идущие вразрез с интересами аравийских монархий, тем не менее, точек соприкосновения достаточно. В сфере кибербезопасности власти Египта больше заинтересованы во внутренней стабильности, нежели в региональных перипетиях, поэтому Египет большое внимание уделяет контролю СМИ, телевидения и национального Интернета, а в конфронтации с другими державами не заинтересован [\[17\]](#).

Иран. Иран – единственный игрок Ближнего Востока, политика которого может представлять глобальную угрозу, в связи с этим он также является самой частотной в регионе целью кибератак, принимая на себя 10% от всех кибератак в мире [\[18\]](#). В 2010 г. Иран подвергся уже упомянутой разрушительной атаке Stuxnet, которая и стала катализатором активного развития национальной системы кибербезопасности в условиях учащающихся атак со стороны США и Израиля. При этом в цифровой сфере Иран сталкивается не только с внешними, но и с внутренними угрозами в связи со сложной внутривластной обстановкой. В международных рейтингах кибербезопасности Иран не входит в число лидеров, однако это мало отражает реальную ситуацию, т.к. рейтинги не учитывают, к примеру, потенциал наступательного кибервооружения и устойчивые связи с хакерскими группировками. Западные исследователи относят Иран к группе из 6 стран с наиболее развитыми цифровыми компетенциями, наряду с США, РФ, Китаем, Израилем, Великобританией [\[19\]](#).

В начале 2000-х гг. кибератаки Ирана представляли собой скорее плохо скоординированные декларативные действия отдельных группировок, тогда как сейчас

проводятся тщательно проработанные масштабные операции по кибершпионажу, включающие детальный сбор данных с сайтов и внедрение вредоносных программ, причем с использованием ПК и личных аккаунтов лиц, аффилированных с Корпусом стражей исламской революции (КСИР). На сегодняшний день кибербезопасность Ирана обеспечивают преимущественно КСИР и Министерство разведки, регулируя соответствующие спецподразделения, сформированы также кибергруппы в составе сил спецназначения и военизированного ополчения.

Приоритетными целями иранских кибератак являются преимущественно США (и их западные союзники), Израиль и аравийские монархии. Однако в последнее время наблюдается тенденция снижения числа кибернападений и перехода преимущественно к разведке, а также переноса внимания с внешних противников на внутреннюю оппозицию, в связи с чем многие эксперты утверждают, что Иран постепенно уходит с позиций «глобальной киберугрозы».

Что касается союзников Ирана в сфере кибербезопасности, на официальном уровне их скорее нет. Некоторые эксперты считают таковыми Ирак, Ливан, Йемен, однако это сотрудничество не закреплено на государственном уровне, и уровень развития этих стран не позволяет им выйти на уровень полноценного союзника, скорее сателлита. Аравийские монархии, к примеру, заявляют, что Йеменская киберармия на самом деле была проектом Ирана, однако из-за специфики сферы проверить это очень сложно, и вряд ли когда-либо это будет установлено наверняка. Есть также категория «сочувствующих» Ирану стран, таких как Катар, который стремится придерживаться нейтралитета и не вступает в конфронтацию с Ираном, в частности, Катар отказался предоставлять Израилю данные о деятельности иранской прокси-группировки «Ливанский кедр» [\[15\]](#). Но основной поддержкой Ирана в регионе выступают некоторые антисистемные хакерские группировки, которые связаны с негосударственными акторами, в том числе с различными террористическими группировками, такими как ИГИЛ* и Хезболла.

Антисистемные акторы. На ближневосточной киберарене негосударственные акторы укоренились так же прочно, как и государственные. К сожалению, большинство из них оказывают деструктивное влияние на региональную безопасность, так как связаны с террористическими ячейками. Одними из первых в цифровом пространстве (2006-2007) проявили себя киберджихадистские группы «Аль-Каиды*», которых насчитывается более десяти, однако их деятельность ограничивалась в основном пропагандой и дефейсментом. Более решительной группировкой является «Объединенный киберхалифат ИГИЛ*», который своим возникновением обязан молодому британцу Джунаиду Хуссейну, известному благодаря взломам личных аккаунтов Цукерберга и Тони Блэра. Данная группировка совершила ряд атак на аккаунты госведомств и СМИ, однако сейчас специализируется на шпионаже на объектах энергетической инфраструктуры в странах Запада и угрожает глобальной кибератакой. К этой же группе относится уже упомянутый «Ливанский кедр», известный своей масштабной атакой на интернет-провайдеров и операторов связи в странах Запада, арабские страны, Израиль.

Совершенно особую роль играют акторы, которые находятся где-то между государственными и негосударственными, и ярким примером таких акторов является проект «Кибермухи». «Кибермух» сложно отнести к полноценным кибергруппировкам, они представляют собой скорее совокупность всех лояльных Саудовской Аравии хакеров, включая одиночных. У них нет четкой структуры или общего лидера, но долгое время их неформальным лидером считался первый советник наследного принца

Саудовской Аравии аль-Кахтани. Тем не менее, «Кибермухи» не относятся к аравийским «белым шляпам». С одной стороны, они, очевидно, сотрудничают с правительством, что отчетливо проявилось в ходе дипломатического кризиса с Катаром и конфликта с Йеменом. С другой стороны, координация, по-видимому, недостаточная: в 2021 г. «Кибермухи» атаковали министерство транспорта Ирана вскоре после заключения соглашений между Саудовской Аравией с Ираном, что значительно подорвало авторитет данных соглашений.

Разобщенность «Кибермух» – это только одна из проблем их интеграции в госструктуру. Помимо этого, большую роль играет внутренний фактор, а именно общественное мнение: хакерство воспринимается многими мусульманами как серьезный грех, а Саудовская Аравия не может отказаться от своих претензий на лидерство в исламском мире. Также, как уже отмечалось, Саудовская Аравия сделала серьезную ставку на международную кооперацию в киберсфере, а открытое включение хакерской группировки в государственный штат могло бы пошатнуть ее международный имидж.

Интеграция как стабилизирующий фактор цифровизации на Ближнем Востоке.

Внутренние и внешние угрозы вынуждают государства Ближнего Востока консолидировать свои усилия в целях эффективного обеспечения цифровой безопасности, что ведет к интенсификации регионального сотрудничества. Так называемый «Щит полуострова», созданный государствами-членами ССАГПЗ еще в далеком 1984 г. для сдерживания и реагирования на военную агрессию, со временем стал приобретать очертания щита информационного, призванного обеспечить киберзащиту региона [\[20\]](#). В ходе тесного сотрудничества в области ИКТ странам ССАГПЗ удалось разработать устойчивую систему мер для противостояния киберугрозам, а построение стратегии коллективной кибербезопасности является одним из основных элементов интеграционных процессов в регионе.

Кроме того, цифровизация ведет к сглаживанию традиционных политических противоречий. В настоящий момент страны ССАГПЗ активно сотрудничают с Израилем по вопросам обеспечения кибербезопасности. По понятным причинам это сотрудничество не получает широкой огласки, однако оно является крайне плодотворным и имеет широкие перспективы. ОАЭ с начала 2000-х гг. ориентировались на ряд израильских проектов для построения собственной системы кибербезопасности, а приблизительно с 2008 г. ведется комплексное технологическое сотрудничество. Так, в 2008-2015 гг. модернизация систем наблюдения на важнейших нефтегазовых объектах ОАЭ фактически проходила под руководством израильской фирмы Logic Industries, хотя официальным подрядчиком являлась швейцарская корпорация AGT International. Кроме того, государственные органы ОАЭ взаимодействуют с профильными органами Израиля [\[21\]](#).

Стоит отметить и другие государства, сотрудничающие с Израилем в рамках вопросов информационных технологий и кибербезопасности. Саудовская Аравия поддерживает контакт с компанией IntuView, использующей технологии искусственного интеллекта для мониторинга закрытых каналов в социальных сетях в целях выявления террористических угроз. У Катара, как уже упоминалось, налажены взаимосвязи с ClearSky Cyber Security, которая оказывает услуги в сфере укрепления информационной защиты национальной критической инфраструктуры.

Помимо вышеуказанных стран ССАГПЗ сотрудничество с Израилем в информационной сфере осуществляют и Оман с Бахрейном, однако для них на первый план выходят вопросы не столько кибербезопасности, сколько цифровизации важнейших областей:

финансов, здравоохранения и образования. Так, в 2005 г. в Бахрейне началось внедрение программы по цифровизации высших и средних профессиональных учебных заведений, направленной на модернизацию методов обучения и формирование у учащихся знаний о современных информационных технологиях [\[22\]](#). Для реализации проекта в Бахрейне была широко развернута электронная образовательная платформа EduWave от иорданской компании Integrated Technology Group, а осуществление программы и обучение пользователей проходило при поддержке израильских компьютерных экспертов.

В Омане, который старается балансировать между Ираном и Израилем [\[23\]](#) и поэтому в отличие от других стран-членов ССАГПЗ не готов к полноценной нормализации отношений с еврейским государством, при помощи израильских специалистов была разработана инициатива по внедрению и развитию интернет-банкинга, направленная на ускорение процесса регистрации клиентов и упрощение работы банковской системы в целом. Активное участие в этом процессе принимает и компания NNTC из ОАЭ, которая занимается разработками программного обеспечения [\[24\]](#).

Диверсификация экономики. Важным элементом развития коллективной кибербезопасности стало принятие странами ССАГПЗ во второй половине 2010-х гг. программ «Видение-2030», которые представляют собой долгосрочные стратегии по отходу от сырьевой составляющей национальных экономик и их диверсификации. Цифровизация всех сфер жизни государств при этом рассматривается в качестве главного драйвера развития региона. Несмотря на то, что большинство стран региона признают необходимость цифровой модернизации экономики, далеко не все из них успешно реализуют программу. Пожалуй, лучшим примером в этом отношении является Саудовская Аравия.

О внедрении программы «Saudi Vision 2030» [\[25\]](#) было объявлено в 2016 г., когда наблюдалось резкое снижение цен на нефть. Саудовская Аравия, как и многие страны Ближнего Востока, сильно зависима от добычи нефти и природного газа, поэтому правительству Королевства было необходимо принять экстренные меры для выхода из экономического кризиса, из-за которого страна погрязла в долгах, наблюдались рост безработицы и значительное снижение уровня жизни. Программа включает в себя ряд экономических реформ, направленных на снижение зависимости Саудовской Аравии от экспорта нефти и газа и на развитие других отраслей экономики.

Саудовская Аравия является одним из наиболее развитых в цифровом плане государств Ближнего Востока. На данный момент Саудовская Аравия добилась целого ряда успехов в рамках реализации программы «Видение-2030»: была создана программа электронного правительства Yesser, в 2019 г. была начата реализация Национальной стратегии развития Интернета вещей, в Саудовской Аравии регулярно повышается доверие граждан к онлайн-транзакциям и, как следствие, растет процент электронных платежей [\[26\]](#) (по состоянию на 2019 г. они составляли 36,2% всех платежей, что превысило целевой показатель программы) и происходит активное развитие электронной торговли (по состоянию на 2020 г. Королевство заняло 5 место среди развивающихся стран по этому показателю) [\[27\]](#).

Активно проходит цифровизация и в важнейших социальных сферах: здравоохранении и образовании. Большое количество граждан Саудовской Аравии использует для получения медицинских услуг электронную платформу Mawid, которая позволила Саудовской Аравии в 2020 г. сэкономить более 200 млн долларов. Электронная

образовательная платформа Noor объединяет все учебные заведения Королевства и активно используется учащимися по всей стране. Развивается в цифровом отношении и туристическая сфера: через электронную платформу туристических виз их было выдано более 250 тыс. Внедряют цифровые технологии даже в процесс организации и проведения хаджа и умры, что является спецификой цифровизации Саудовской Аравии [\[26\]](#).

Вероятность полной диверсификации экономики Саудовской Аравии к 2030 г. маловероятна, однако у страны есть огромный потенциал, и если руководство страны грамотно им воспользуется, Саудовская Аравия сможет стать одним из наиболее развитых в сфере цифровизации и кибербезопасности государств не только в регионе, но и во всем мире.

Как было сказано ранее, аналогичные программы были запущены и в других странах региона (ОАЭ, Бахрейн, Кувейт); во многих странах Ближнего Востока были приняты Национальные стратегии по цифровому развитию, разработаны проекты электронного правительства. Интересен тот факт, что в официальных документах по цифровизации почти каждая страна ставит целью выход на ведущие позиции в отношении кибербезопасности и уровню цифровизации в регионе [\[28\]](#).

Каково практическое влияние цифровой трансформации экономик стран Ближнего Востока на их развитие? Во-первых, наблюдается экономический рост, который обеспечивается за счет диверсификации экономики; во-вторых, благодаря современным технологиям страны Ближнего Востока становятся местами притяжения инвестиций; в-третьих, возникает большое количество рабочих мест, поскольку странам необходимы специалисты в сфере ИКТ (во многих из них реализуются различные проекты по цифровому образованию среди школьников и студентов).

Мягкая сила. Многие государства Ближнего Востока стремятся использовать цифровизацию в качестве мягкой силы, тем самым продвигая свои интересы на международной арене и оказывая влияние на мировые политические процессы. Для этого используется публичная дипломатия, которая, будучи реализуемой в интернет-пространстве, становится дипломатией цифровой, а социальные сети – ее главным инструментом.

В странах Ближнего Востока в целом растет уровень заинтересованности граждан в социальных сетях и пользовании интернетом: по данным на январь 2021 г. ОАЭ заняли первое место в мире по количеству людей, использующих интернет (99% населения), 8 место заняла Саудовская Аравия (95,7%), 23 строчку занял Израиль (88%) [\[29\]](#).

Одной из наиболее преуспевших в использовании цифровизации в качестве мягкой силы стран являются ОАЭ [\[30\]](#). Во внутренней цифровой политике ОАЭ стремится к созданию умного, «безбумажного» правительства. В декабре 2021 г. правительство Дубая стало первым в мире, которое ввело полностью безбумажный документооборот [\[31\]](#). Это важное решение уже позволило сэкономить 336 млн бумажных листов, что составляет около 14 млн часов человеческого труда и 353,8 млн долларов [\[32\]](#).

Что касается внешней сферы, в ОАЭ набирает популярность дипломатия социальных сетей: власти используют интернет-пространство для продвижения своих идей и национальных интересов, укрепления позиций страны в системе международных отношений, поддержания ее имиджа. Так, например, в 2017 г. премьер-министр ОАЭ стал

самым цитируемым политиком в Twitter [\[33\]](#), а его аккаунт насчитывает более 9 млн подписчиков (11-е место среди мировых лидеров). Кроме того, в ОАЭ есть специальные государственные органы, которые занимаются координацией деятельности внешнеполитических учреждений в интернете, например, Office of Public and Cultural Diplomacy. Все это продвигает национальный бренд ОАЭ (в 2021 г. ОАЭ заняли 17 место в рейтинге национальных брендов; на 2 строчки ниже расположилась Саудовская Аравия) [\[34\]](#).

Цифровизация – угроза региональной безопасности или инструмент ее поддержания? Какая сторона влияния «черного лебедя» в лице цифровизации окажется для Ближнего Востока превалирующей?

1). Значительную угрозу для Ближнего Востока в сфере кибербезопасности представляет сама множественность и существенная разобщенность интересов ее акторов. Региональные державы борются друг с другом за лидерство, что, в свою очередь, может привести к гонке кибервооружений и углублению пропасти в развитии между наиболее и наименее развитыми региональными державами. Параллельно действуют антисистемные хакерские группировки и другие неклассические акторы, интересы и структуру которых зачастую крайне трудно идентифицировать, и которые при этом способны значительно подорвать сложившийся баланс сил.

С другой стороны, конкуренция внутри региона в сфере кибербезопасности и цифровизации способствует общерегиональному развитию в данной сфере. Более того, несмотря на расхождения в национальных интересах, страны региона охотно идут на интеграцию в киберсфере. Активное сотрудничество, в свою очередь, повышает уровень их защищенности от внерегиональных угроз, а также ведет к стабилизации внутривосточной ситуации за счет цифровизации социально-ориентированных отраслей.

2). В линии регионального киберпротивостояния часто оказываются вовлечены внешние игроки, такие как США, развитые страны запада, Китай, Россия, КНДР, что создает угрозу превращения Ближнего Востока в арену кибер-прокси-конфликтов. В то же время участие стран региона в специализированных международных организациях, а также посредничество американских и европейских цифровых компаний в отношениях стран ССАГПЗ с Израилем может послужить фундаментом большей интеграции стран Ближнего Востока в международное сообщество.

2). Учитывая нестабильную политическую ситуацию в регионе, киберпротиворечия в теории могут обострить уже существующие политические конфликты и стать поводом для новых. С другой стороны, уже сейчас наблюдается некий эффект «перетекания» («spillover») интеграции стран Ближнего Востока из информационной сферы в экономическую, культурную, и, главное, в политическую. Примеры Саудовской Аравии-Израиля, Катара-Ирана и др. показывают, что страны ищут пути в обход своих традиционных политических конфликтов для извлечения выгоды из сотрудничества в других сферах, в частности, в цифровой, что в значительной степени способствует снижению конфликтного потенциала в регионе.

3). Что касается изменения региональной позиции Ирана в киберсфере, согласно ряду прогнозов, его отход от роли главного «злодея» может расколоть региональное сообщество, так как, утратив сплочающую угрозу, они начнут искать ее друг в друге.

Однако эта же тенденция может, напротив, привести к построению обновленной

архитектуры кибербезопасности не по принципу общего противника, который характеризуется неустойчивостью, а на основе взаимных интересов стран Ближнего Востока.

4). Цифровизация является для Ближнего Востока источником качественно новых преимуществ, грамотное использование которых способно существенно укрепить международные позиции стран региона. Во-первых, цифровая отрасль – перспективная и вполне реализуемая возможность диверсификации экономики и спасения от «нефтяной иглы» для государств-экспортеров нефти, которых в регионе большинство. Кроме того, цифровая трансформация экономики может стать основой для внедрения стран Ближнего Востока в новые глобальные производственные цепочки.

Вторым ключевым преимуществом выступает использование цифровизации и цифровой дипломатии в качестве мягкой силы. С ее помощью страны Ближнего Востока продвигают свои интересы, формируют положительный национальный имидж, укрепляют позиции не только в цифровом, но и в политическом пространстве. Поскольку цифровизация на Ближнем Востоке с каждым годом только набирает обороты, а интернет-пользователей становится все больше, можно предположить, что уже в обозримом будущем регион станет одним из главных мировых цифровых центров, а его государства начнут оказывать куда большее влияние на мировое сообщество.

Ответ на вопрос, чем обернется цифровизация на Ближнем Востоке, неоднозначен, иначе бы мы изначально не включили цифровизацию в число «черных лебедей». Мы представили несколько возможных сценариев развития событий, вероятность реализации каждого из которых зависит от целого разброса случайных факторов, что лишает смысла более точные прогнозы. Нам представляется, однако, что на сегодняшний день позитивные аспекты все же преобладают, поскольку они не только создают способы нивелировать традиционные противоречия, давно зашедшие в тупик, но и предоставляют дополнительные импульсы к развитию. В любом случае, Ближний Восток, судя по всему, является для «черных лебедей» естественной средой обитания, что дает нам основания полагать, что и этот уж точно не станет фатальным.

* движения признаны террористическими и запрещены в РФ

Библиография

1. Коньков А.Е. Новые информационные технологии и международные отношения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 3. Вып. 1. С. 47-68.
2. Semantic Scholar. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Digital-Strategy-and-Digital-Transformation-Gobble/0f9d211b9ebab742b348a8800d04ab44b57353dd> (дата обращения: 10.03.2022).
3. disserCat. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/tsifrovizatsiya-i-bolshie-dannye-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-teoreticheskie-metodologich> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16-24.
5. Самые цифровые страны мира: рейтинг 2020 года // Harvard Business Review. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688/> (дата

- обращения: 11.03.2022).
6. Global Cybersecurity Index 2020 // ITU Publications. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/epublications/publication/D-STR-GCI.01-2021-HTML-E/> (дата обращения: 11.03.2022).
 7. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России // WebCanape. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 11.03.2022).
 8. Валиахметова Г.Н. Исламский мир в условиях цифровых угроз XXI века // MINBAR. Islamic studies. 2019. Т. 12. № 1. С. 95-110.
 9. How Prepared is Saudi Arabia for a Cyber War? // Institute for National Security Studies. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inss.org.il/publication/how-prepared-is-saudi-arabia-for-a-cyber-war/> (дата обращения: 11.03.2022).
 10. National cyber security index. [Электронный ресурс]. URL: <https://ncsi.ega.ee/compare/> (дата обращения: 11.03.2022).
 11. Цуканов Л.В. Система национальной кибербезопасности Саудовской Аравии: специфика и риски развития // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 435-443.
 12. Цуканов Л.В. Йеменская киберармия: раунд второй? // Российский Совет по международным делам. 16.11.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/yemenskaya-kiberarmiya-raund-vtoroy/> (дата обращения: 12.03.2022).
 13. Цуканов Л.В. Цифровые химеры Персидского залива: кто займет место Ирана? // Российский Совет по международным делам. 22.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/eJdYR> (дата обращения: 12.03.2022).
 14. Кибербезопасность по-израильски // Независимое военное обозрение. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/armament/2019-09-27/1_1063_israel.html (дата обращения: 12.03.2022).
 15. Цуканов Л.В. Сотрудничество Израиля и Катара в сфере кибербезопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 5А. С. 28-36.
 16. Турецкая киберармия: эра электронных янычаров // ПИР-Центр. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pircenter.org/blog/view/id/426> (дата обращения: 12.03.2022).
 17. Кутукова Е.А. Информационная политика Арабской Республики Египет // Век информации. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/eJMPH> (дата обращения: 14.03.2022).
 18. Кильченко В.С. Политика Исламской Республики Иран в сфере информационной безопасности // Сборник XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. 2020. С. 91-93.
 19. Хетагуров А.А. Кибермощь Ирана. Киберстражи Исламской Революции // Российский Совет по международным делам. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/cyberiran#rec93669097> (дата обращения: 14.03.2022).
 20. Цуканов Л.В. Силы безопасности ССАГПЗ: цифровое измерение // Российский Совет по международным делам. 28.07.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/sily-bezopasnosti-ssagpz-tsifrovoye-izmerenie/> (дата обращения: 17.03.2022).

21. Цуканов Л.В. Страны ССАГПЗ и Израиль: да будет «цифровая солидарность»? // Российский Совет по международным делам. 30.09.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strany-ssagpz-i-izrail-da-budet-tsifrovaya-solidarnost/> (дата обращения: 17.03.2022).
22. King Hamad launches EduWave for Future Schools // ITG Group. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itgsolutions.com/king-hamad-launches-eduwave-for-future-schools/> (дата обращения: 17.03.2022).
23. Oman plays it safe on Israel // Middle East Institute. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mei.edu/publications/oman-plays-it-safe-israel> (дата обращения: 17.03.2022).
24. Oman Arab Bank использует технологии NNTC и Smart Engines для дистанционного открытия счетов // CNews. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-10_oman_arab_bank_ispolzuet_tehnologii (дата обращения: 17.03.2022).
25. Vision 2030. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/> (дата обращения: 18.03.2022).
26. Рогожин А.А. ИКТ как направление диверсификации экономики Саудовской Аравии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 122-141.
27. The UNCTAD B2C E-Commerce Index 2020: Spotlight on Latin America and the Caribbean // United Nations Conference on Trade and Development. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d17_en.pdf (дата обращения: 18.03.2022).
28. Коровкин В.В. Национальные программы цифровой экономики стран Ближнего Востока // ARS ADMINISTRANDI. Искусство управления. 2019. Т. 11. № 1. С. 151-175.
29. Digital 2021: Global Overview Report // DataReportal. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 18.03.2022).
30. Цифровая дипломатия Объединенных Арабских Эмиратов // Центр стратегических оценок и прогнозов. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/445/czifrovaya-diplomatiya-obedinennyh-arabskih-emirato-9048> (дата обращения: 19.03.2022).
31. Власти Дубая отказались от бумажного делопроизводства // ТАСС. 12.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13177849> (дата обращения: 19.03.2022).
32. Правительство Дубая стало полностью безбумажным // Русские Эмираты. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/pravitelstvo-dubaya-stalo-polnost-yu-bezbumazhnym/> (дата обращения: 19.03.2022).
33. Премьер-министр ОАЭ стал самым цитируемым политиком в сети Twitter // Русские Эмираты. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/prem-yer-ministr-oae-stal-samym-tsitiruyemym-politikom-v-seti-twitter/> (дата обращения: 19.03.2022).
34. Nation Brands 2021. The annual report on the most valuable and strongest nation brands // Brand Finance. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://brandirectory.com/download-report/brand-finance-nation-brands-2021-preview.pdf> (дата обращения: 19.03.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования стал процесс цифровизации на Ближнем Востоке, а также те опасности и угрозы, которые порождаются этим процессом. В последние годы тема цифровизации современной политики и государственного управления привлекает всё более пристальное внимание исследователей: повсеместно внедряемые в процессы управления новые диджитал-технологии вызывают большой интерес специалистов и экспертов, результатом чего стал бурный рост научных и публицистических работ на эту тему. Поэтому практическая актуальность выбранной автором статьи темы исследования не вызывает ни малейших сомнений. Особую теоретическую значимость этой теме придаёт характерная для всякого нового и малоисследованного явления неоднозначность и размытость его концептуальных описаний, а также отсутствие парадигматического консенсуса в отношении методологического инструментария и терминологического аппарата. Тем любопытнее представляется предложенный автором подход, связывающий два относительно новых концепта – «чёрных лебедей» и «цифровизации» – для анализа ближневосточных реалий. К сожалению, определив концептуальную рамку своего исследования, автор ничего не говорит об использованном методологическом инструментарии. Из контекста можно понять, что в процессе исследования помимо общенаучных аналитических методов применялись элементы системного и институционального подходов, метод case study, а также вторичный анализ статистических данных. Такой методологический ход позволил автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, научный интерес представляет попытка автора применить концептуальный аппарат теорий «чёрных лебедей» и «цифровизации» в анализе эмпирических данных ближневосточных государств – Саудовской Аравии, Израиля, Катара, Турции и др. В результате удалось выявить не только положительные последствия цифровизации (которые, в основном, и фиксируются в многочисленных исследованиях, посвящённых данной теме), но и те порождаемые ею эффекты, которые могут сыграть роль «чёрных лебедей» в политике исследованных государств. Любопытен также вывод о перспективах использования цифровизации в качестве одной из технологий «soft power» («мягкой силы», «мягкой власти»). Наконец, определённый теоретический интерес представляет предложенное автором «микрополитическое» определение феномена цифровизации, связывающее данный процесс не только с «большой» политикой (как внешней, так и внутренней) государств, но и с микровзаимодействиями политических акторов. В структурном плане статья также производит положительное впечатление: логика изложения достаточно последовательна, а структурные элементы рубрированы. Во «Введении» ставятся задачи и определяется концептуальный дизайн исследования. В первом содержательном разделе «Цифровизация как элемент ближневосточной реальности» описываются основные направления процесса цифровизации в исследуемом регионе, которые затем конкретизируются на конкретных страновых кейсах. Далее рассматриваются деструктивные и стабилизирующие факторы региональной безопасности: деятельность антисистемных акторов, интеграционные процессы, диверсификация экономики, инструменты мягкой силы. В заключительном разделе «Цифровизация – угроза региональной безопасности или инструмент её поддержания?» резюмируются итоги проведённого исследования и намечаются перспективы дальнейших исследований этой темы. По стилю рецензируемую статью также можно квалифицировать как научную

работу, написанную достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 34 наименования, в том числе, работы на иностранных языках, и в должной мере репрезентирует состояние дел в исследуемой области. Хотя и могла бы быть расширена за счёт работ Н. Талеба, уж коли его концепция «чёрных лебедей» стала одним из ключевых элементов дизайна проведённого исследования. Тем более, что несколько работ этого автора переведены на русский язык. Апелляция к оппонентам имеет место в контексте обсуждения различных подходов к феномену цифровизации.

ОБЩИЙ ВЫВОД: представленную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей всем требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны политологам, социологам, специалистам в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. В содержательном плане статья соответствует тематике журнала «Мировая политика» и рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Виноградова Е.А. — Анализ военных метавселенных: на примере США, Индии и Китая // Мировая политика. — 2023. — № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.3.40042 EDN: ZJBFOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40042

Анализ военных метавселенных: на примере США, Индии и Китая

Виноградова Екатерина Алексеевна

ORCID: 0000-0001-8055-6612

кандидат политических наук

141207, Россия, г. Пушкино, ул. 3-Й Некрасовский проезд, 3, кв. 21

✉ kata-vinogradova@mail.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.3.40042

EDN:

ZJBFOG

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2023

Аннотация: Эпоха цифровой революции и внедрение искусственного интеллекта в политическую, экономическую, военную и социальную сферу создала условия для появления новой формы информационно-коммуникационного взаимодействия общества, получившей название метавселенная. Теория параллельных виртуальных миров, описанная научными фантастами в XX столетии, была реализована на практике крупнейшими технологическими гигантами в XXI веке. В период 2019-2022 гг. мировые технологические корпорации приступили к разработкам отраслевых метавселенных, направленных на дальнейшую цифровизацию экономической, политической, военной и общественной жизни. Военное соперничество и стремительная гонка вооружений, породившие очередные мировые конфликты, способствовали появлению военных метавселенных и новых видов вооружений, основанных на использовании искусственного интеллекта и передовых VR-технологий. Стратегическая коммуникация ведущих мировых держав зиждется на создании оружия нового поколения, направленного как на защиту национальных интересов, так и на использование информационно-когнитивной военной практики во внешнеполитической деятельности. В

последние десятилетия такие стандарты, как распределенное интерактивное моделирование и архитектура высокого уровня, способствовали интеграции разрозненных учебных симуляторов, позволяя военным тренироваться в виртуальном пространстве, моделируя новую концепцию военных операций и тестируя новые виды оружия, созданного на основе ИИ. Вооруженные силы мировых технологических гигантов США, Китая, Индии на протяжении нескольких лет используют эффективное моделирование для базового обучения военных и создания передового тактического оружия на базе ИИ. Таким образом, в регулярную военную подготовку внедрен искусственный интеллект военных игр — алгоритм, способный с точностью моделировать реальные боевые действия. В статье представлен анализ военных метавселенных и новых видов оружия, изготовленного с применением технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова:

Китай, США, Индия, метавселенная, когнитивная война, искусственный интеллект, цифровизация, интеллект, сетевое общество, виртуализация

ВВЕДЕНИЕ

Первая четверть XXI века ознаменовала собой ускоренный переход от постиндустриального к сетевому обществу.

Новая эра интернета и пандемия Covid-19 подтолкнула мировые коммуникационные процессы к виртуализации мировой общественной жизни и изменила международные тенденции внешнеполитического взаимодействия.

Информационно-технологическая революция помогла развивающимся странам, таким как Китай и Индия, стать ключевыми игроками на рынке цифровых и информационно-коммуникационных услуг, получающими огромные дивиденды и грамотно выстраивающими цифровую экономику.

Вместе с тем новая гонка вооружений и последовавшие за ней мировые конфликты ускорили процесс создания военных информационно-коммуникационных центров, разрабатывающих новые типы вооружений на основе искусственного интеллекта (ИИ).

Стратегическая коммуникация ведущих мировых держав зиждется на создании оружия нового поколения, направленного как на защиту национальных интересов, так и на использование информационно-когнитивной военной практики во внешнеполитической деятельности.

Методология данного исследования основана на системном подходе к оценке роли военных метавселенных, а также на анализе новых видов вооружений, созданных при помощи ИИ.

В исследовании использовалась следующая группа источников.

- 1) Официальные публикации военных ведомств и государственных органов, статистические данные, интервью военных экспертов и командного состава.
- 2) Исследовательские статьи ведущих мировых экспертов в области изучения метавселенных и искусственного интеллекта, СМИ.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Одним из важнейших направлений современной цифровой коммуникации является создание метавселенных.

Впервые термин «метавселенная» прозвучал в научно-фантастическом романе «Снежная катастрофа», написанного Нилом Стивенсоном в 1992 году. В романе реальные люди коммуницируют с виртуальными людьми через устройства виртуальной реальности (VR)^[1] в виртуальном пространстве, называемой метавселенной.

В 1999 году фильм братьев Вачовски «Матрица» оказал большое влияние на культуру и вывел тему симулированной реальности на первый план. В этой картине многие персонажи совершенно не осознавали, что живут не в реальности, а в полностью смоделированном виртуальном мире.

В 2018 году на экраны вышел культовый фантастический фильм «Первому игроку приготовиться», снятый легендарным режиссером Стивеном Спилбергом. Он затронул очень важную и актуальную на сегодняшний день тему: «виртуальный мир», которая, как считают многие исследователи, подтолкнула интернет-индустрию к созданию концепции метавселенной и цифровых аватаров^[2].

Однако за несколько десятилетий до появления термина «метавселенная» в США уже существовала широкая концепция взаимосвязанных виртуальных миров.

Термин «виртуальная реальность», появившийся в 1984 году, приписывается Джарону Ланье, основателю компании VPL Research.

В 1978 году капитан BBC Джек Торп опубликовал статью, в которой описывалась сеть сетевых симуляторов для распределенного планирования миссий. Торп продолжал руководить программой SIMNET DARPA, которая к концу 1980-х годов завершилась созданием более 200 локальных и глобальных сетевых симуляторов^[3] танков и самолетов, запущенных в работу в США и в Европе.^[9]

В научной литературе существует несколько трактовок термина метавселенная.

Согласно определению большинства теоретиков и разработчиков метавселенная представляет собой централизованный виртуальный мир, существующий параллельно «физическому миру». ^[2, p.5] Данной теории придерживаются полковник и старший научный сотрудник центра изучения сухопутных боевых действий Индии Гурприт Сингх Баджва, американский военный аналитик Джон Бауман^[3], китайский ученый Ван Бин.^[20]

Другая исследовательская группа, куда входят президент и соучредитель VetCoin Foundation Аарон Базин^[4], советник министра иностранных дел Италии Фабио Ванорио^[16], китайский исследователь Юджун Хуанг, относят метавселенную к многопользовательской среде ^[18, p.2], объединяющей физическую реальность с цифровой реальностью.

Ряд китайских ученых и экономистов отмечают, что метавселенная — это новая интернет-концепция, направленная на модернизацию цифровой экономики.^[22]

Автор данного исследования определяет метавселенную, как искусственную

виртуальную информационно-коммуникационную среду, созданную для ускорения цифровых темпов в экономике, политике и социальной сфере.

Китайские исследователи выделяют четыре ключевых элемента, повлиявшие на создание метавселенной:

- увеличение числа интернет-пользователей;
- длительное время для привлечения инвестиций;
- активная виртуальная экономика;
- стандарты и протоколы функциональной совместимости. [\[23\]](#)

На сегодняшний день в таких странах, как США, Китай, Индия, Южная Корея, Япония, разрабатываются несколько отраслевых метавселенных, направленных на коммуникацию определенных групп целевых аудиторий.

Суперкомплекс существующих метавселенных состоит из множества передовых технологий. Производство контента опирается на ИИ и технологию цифровых двойников. Для механизма хранения и аутентификации информации используют технологию блокчейн [\[4\]](#). Для обработки данных используется ИИ, облачные вычисления [\[5\]](#) и технология облачного хранения [\[6\]](#).

Построение сетевой среды опирается на технологию 5G [\[7\]](#). Виртуально-реальное взаимодействие и связь используют человеческое восприятие, 3D-рендеринг, [\[8\]](#) расширенную реальность [\[9\]](#), интерфейс мозг-компьютер, [\[10\]](#) робототехнику. [\[23\]](#)

В период 2020-2023 гг. происходит активное повышение инвестиционной активности виртуальной недвижимости.

По данным компании Newzoo, 78% китайской целевой аудитории заинтересованы в коммуникации в виртуальном мире. В США эта цифра составляет 57 %, в Великобритании 47%. [\[6\]](#)

Несколько лет назад Facebook приобрёл производителя устройств виртуальной реальности Oculus для более глубокого развития технологий VR и дополненной реальности (AR) [\[11\]](#).

Epic Games также заявила, что они собрали 1 миллиард долларов для создания метавселенной, а Sony инвестировала 200 миллионов долларов в поддержку концепции Epic.

Китайские технологические гиганты Baidu Inc, Alibaba Group Holding Ltd и Tencent Holdings Ltd, вошли в топ-10 фирм по всему миру, которые подали наибольшее количество патентных заявок на VR и AR за последние два года. В 2019 году большинство этих разработок были успешно реализованы в сферах розничного шопинга, образования, игр, маркетинга, медиа и промышленного производства. К концу 2020 года только на индустрию VR в Китае приходилось около 44 процентов мирового рынка с приблизительной стоимостью 8 миллиардов долларов США. [\[6\]](#)

Международная напряженность и стремительная гонка вооружений в период 2019-2022 гг. актуализировали создание военных метавселенных, направленных на модернизацию

и координацию армии в США, Китае, Южной Корее, Индии и других странах.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США

VR и AR реальность в последние два десятилетия успешно запущена в регулярные элементы военной подготовки США.

Первые прототипы современных VR-технологий были применены США еще в 1990-х гг. в период войны в Персидском заливе. Армия США бомбила и обстреливала Ирак с расстояния в несколько миль, используя цифровые карты и телевизионные экраны.

В настоящее время система подготовки экипажей самолетов Predator Mission Aircrew Training System (PMATS) и рабочие станции пилотов-операторов используют более иммерсивную и развитую версию войны в Персидском заливе для разведки и ликвидации угроз с расстояния в несколько миль, разработанных в лаборатории с помощью видеосигнала и дополненных многослойных цифровых карт. [\[17, p.88\]](#)

В 2000 годах бригадный генерал армии Уильям Глейзер (Штат Флорида) создал среду для виртуального обучения армии (STE), которая может считаться прототипом первой военной метавселенной.

STE — это виртуальная учебная среда, дополняющая живые тренировки и моделирующая боевые сценарии для армии в любой географической местности, в которой могут оказаться солдаты. Согласно информации размещенной на сайте армии, она объединяет «живую, виртуальную и конструктивную среду обучения в единую сеть». [\[14\]](#)

В 2002 году Министерство обороны США создало комитет по моделированию военных действий.

В этом же году в США была запущена популярная игра America's Army, разработанная командованием для привлечения талантливых молодых людей в вооруженные силы. [\[12\]](#)

ESports является продолжением этой тенденции. Каждая служба теперь может похвастаться своей собственной командой, которая участвует в национальных и международных соревнованиях по видеоиграм.

Таким образом, у Министерства обороны США появились более широкие возможности для привлечения потенциальных бойцов через киберспорт [\[12\]](#) и рекламу.

Например, сообщество Air Force Gaming уже сделало первый шаг к объединению военнослужащих ВВС в цифровой среде посредством видеоигр, предоставляя возможности для развития лидерства, командной работы, укрепления морального духа и поддержки психического здоровья военнослужащих.

С появлением массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр в игровой среде часто появляются лидеры, обладающие теми навыками, которые применимы в корпоративной среде. Метавселенная может также обеспечить альтернативные пути для выявления будущих военных лидеров.

В отсутствие боевых действий виртуальные эксперименты позволяют военным, выйти за рамки существующей реальности и в идеале представить себе новые концепции военных операций.

Американские военные с успехом используют стандарты Distributed Interactive Simulation

(распределенное интерактивное моделирование) и High Level Architecture (высокоуровневая архитектура) для интеграции разрозненных учебных симуляторов, позволяя военным проектировать ход сражения в виртуальном пространстве. Технологическая компания, Improbable создала целые виртуальные поля сражений.

Один из подходов цифровой инженерии – системная инженерия на основе моделей – помог Министерству обороны США повысить скорость проектирования и разработки основных систем вооружений. Например, в мегапроекте BBC по наземному стратегическому сдерживанию используется системная инженерия на основе моделей для быстрой оценки миллиардов сценариев, что помогает специалистам по закупкам определить точную конструкцию и размещение боеприпасов в ядерных бункерах. [\[12\]](#)

В 2014 году Управление военно-морских исследований и связанный с Министерством обороны Институт творческих технологий в Университете Южной Калифорнии презентовал проект BlueShark. [\[8\]](#) Это проект VR, который продемонстрировал виртуальный мир, позволяющий морякам управлять кораблем с 3D-ситуационной осведомленностью и заниматься ремонтом кораблей, сотрудничая с конструктором на расстоянии.

На сегодняшний день реализованы и запущены инновационные VR разработки для применения в военной метавселенной:

- Высокотехнологичные шлемы для новых истребителей F-35;
- Проект Avenger, который используется для обучения пилотов ВМС США; [\[9\]](#)
- VR будет применяться для работы с посттравматическим стрессом в госпиталях для ветеранов.

Технология AR Red 6 была использована в октябре 2020 года для тестирования столкновения реального летчика-истребителя с управляемым ИИ самолетом, в рамках исследования воздушных боев Агентством перспективных исследовательских проектов министерства обороны (DARPA).

Сочетание AR, ИИ и VR видеоигр позволило пилотам истребителей упражняться в ведении воздушного боя с виртуальными противниками, включая китайские и российские самолеты.

В компании Red 6, разработавшей данную технологию, считают, что это дает гораздо более полную оценку способностей пилота, чем традиционный симулятор полета. «Мы можем создать угрозу любому противнику» [\[10\]](#), - говорит основатель и генеральный директор Red 6 Дэниел Робинсон. «И эта угроза может управляться либо человеком дистанционно, либо искусственным интеллектом». [\[10\]](#)

EpiSci, разработало ИИ-пилота, который методом проб и ошибок научился маневрировать и превосходить противника. В итоге пилот ИИ достиг сверхчеловеческих способностей и смог превосходить своего противника-человека. [\[11\]](#)

Другой проект DARPA направлен на создание помощника ИИ, который следит за тем, что делает солдат, и дает указания при помощи речи, и визуальных образов. Такая система должна будет понимать реальный мир. [\[11\]](#)

Согласно стратегии национальной безопасности США, опубликованной в октябре 2022

года, главные военные угрозы для американцев представляют Китай и Россия. В тексте доклада США делают попытки в очередной раз подорвать международный авторитет России, обвинив ее в нанесении кибератак «для подрыва способности стран предоставлять услуги гражданам». [\[15\]](#)

Китай для США – «единственный конкурент, имеющий намерение изменить международный порядок, применяя для этого экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь. Пекин имеет амбиции создать расширенную сферу влияния в Индо-Тихоокеанском регионе и стать ведущей мировой державой. Он использует свой технологический потенциал и растущее влияние на международные институты, чтобы создать более благоприятные условия для своей авторитарной модели, а также для того, чтобы изменить глобальное использование технологий в пользу своих интересов и ценностей». [\[15\]](#)

Обучение американских военных при помощи виртуальных симуляторов является основным составляющим элементом результативности на поле боя, поэтому военная метавселенная может стать ключевым фактором повышения эффективности боевых действий.

Автор данного исследования дает следующее определение военной метавселенной. Военная метавселенная - это виртуальная коммуникационная среда для обучения армии, тестирования новых видов вооружений и моделирования когнитивных военных стратегий. Она объединяет живую, виртуальную и конструктивную среду обучения в единую сеть.

Еще в 2006 году JFCOM (Объединенное командование вооруженных сил США) разработало VR-тренинг под названием «Urban Resolve», направленный на развитие навыков ведения боевых действий в городских условиях у будущих командиров объединенных сил. В ходе тренировки было создано более 2 миллионов индивидуально смоделированных объектов, направленных против противника, действующего в городской среде.

JFCOM также объявил, что планирует провести серию экспериментов с VR тренировками, под названием «Благородная решимость», которые включают в себя сценарии внутренней безопасности при возможной ядерной атаке террористов в реалистичной среде. [\[17, p.87\]](#)

В 2012 году вышел проект армии США Virtual Environments (STRIVE), получивший название «Виртуальный Ирак», для разработки ведения когнитивной войны при помощи VR технологий. [\[17, p.87\]](#)

В рамках данной программы курсанты могли изучать вражеские угрозы и анализировать поле боя, чтобы выбрать наиболее эффективные действия, а также обрабатывать психологические последствия боя в виртуальной среде.

В наши дни данная игровая симуляция применяется для обеспечения культурной осведомленности среди военнослужащих для оценки возможных угроз, конкретных социокультурных действий (или бездействий), менталитета противника, психологического влияния на население, улучшение взаимодействия с другими субъектами в районе операции, обоснования собственных действий.

ВОЕННАЯ МЕТАВСЕЛЕННАЯ В КИТАЕ: КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ

Основным конкурентом США в области технологий ИИ является Китай, который в августе 2022 года анонсировал создание «Объединённого исследовательского института метавселенной и виртуального взаимодействия» в Шанхае. В число компаний-участников входят такие гиганты, как Tencent, Huawei, Epic Games, Migu.

О популярности метавселенной в Китае говорит тот факт, что несколько местных органов власти, таких городов как Шанхай, Ухань и Хэфэй, начали включать эту тему в свои отчеты о работе правительства за 2022 год.

В октябре 2021 года Китайский институт современных международных отношений (CICIR), аналитический центр, связанный с Министерством государственной безопасности, выпустил документ о метавселенной в Китае, в котором говорилось о необходимости законодательно бороться с виртуальными преступлениями.^[6] В ноябре 2021 года правительство провинции Чжэцзян организовало «симпозиум по развитию отрасли метавселенной». ^[6]

Китай доминирует с точки зрения инвестиций в AR и VR. По данным International Data Corporation (IDC), в 2020 году на Китай пришлось 54,7%^[15] коммерческих и потребительских расходов на AR и VR во всем мире.

На сегодняшний день Китай тестирует учебную базу «Battlefield Metaverse» (战场元宇宙 Zhànchǎng yuán yǔzhòu), чтобы моделировать проекты ведения войны в будущем. Она отличается от обычной метавселенной в некоторых ключевых аспектах. Например, имеет более строгие стандарты безопасности и конфиденциальности, более мощные вычислительные возможности моделирования, более тонкие требования к взаимодействию в режиме реального времени, единообразие времени боя, реально-виртуальную интеграцию, безопасность границ, интеллект принятия решений^[13] и точность производительности. ^[4]

Военная метавселенная, как представляют авторы, нуждается в прорывах в нескольких технологиях, включая виртуальную реальность, дополненную реальность, смешанную реальность^[14], технологию цифровых двойников, облачные вычисления, блокчейн, высокоскоростную сеть, ИИ.

Согласно недавней статье, опубликованной в официальной газете Народно-освободительной армии Daily, китайская армия реформирует методы обучения ведения боя при помощи метавселенной. ^[21] Авторы отмечают, что создание Battlefield создает потенциальные преимущества над армией противника и позволит в будущем осуществлять наступательные цифровые операции на метавселенную противника.

Основные задачи военной метавселенной Китая, согласно отчетам Народно-освободительной армии (НОАК), опубликованных в изданиях PLA Daily:

- учения при помощи симуляторов военной техники, проводимые в виртуальном пространстве;
- моделирование сценариев военных действий;
- создание мощных ботов ИИ, которые будут отдавать команды и курировать военные учения. Они могут выступать в роли инструкторов, экзаменаторов, штабных офицеров, системного и технического персонала для оказания помощи отдельным пользователям в принятии решений и действий.

- централизованное онлайн-образование военных по всей стране;
- усовершенствование методов когнитивной войны [\[15\]](#) за счет ресурсов метавселенной. Китайские военные эксперты считают, что, атакуя метавселенную противника можно повлиять на его мышление и принятие решений.

СОЗДАНИЕ ВОЕННОЙ МЕТАВСЕЛЕННОЙ WARDEC В ИНДИИ

В мае 2022 года Индийская армия подписала меморандум о взаимопонимании (MoU) с Университетом Раштрия Ракша (RRU), расположенным в Гандинагаре, для разработки системы WARDEC. Университет подчиняется Министерству внутренних дел и правительству Гуджарата. RRU будет разрабатывать WARDEC вместе с технологическим гигантом Tech Mahindra.

WARDEC будет проводить практическое обучение солдат для тестирования стратегий и разработки симуляции варгейма (Wargame) [\[16\]](#) с помощью «геймплея с поддержкой Метавселенной». [\[13\]](#) Модели симулятора варгема будут разработаны для подготовки к бою и эффективного проведения контртеррористических и повстанческих операций.

Как утверждают индийские военные эксперты, модели варгеймов и симуляции на основе ИИ позволят солдатам проверить свои навыки в метавселенной, используя комбинацию виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR).

Метавселенная индийской армии будет имитировать поле боя в реальном времени. Использование ИИ и метавселенной позволит повысить тренировочный опыт солдат в современных мировых конфликтах.

Таким образом, симулятор варгейма поможет армии продумать все возможные сценарии. Такие аспекты, как география местности, погодные условия, время, атмосферное давление, видимость противника, досягаемость артиллерии, положение войск, состояние здоровья солдат и возможность реакции противника, которые учитываются при использовании ИИ.

Среди передовых технологий военной метавселенной в Индии можно выделить разработку уникального голокостюма [\[17\]](#), который используется индийскими военными для тактической военной подготовки.

На данный момент Индия импортирует данную разработку более чем в 19 стран. Компания Каауа Tech имеет 12 патентов в восьми странах, включая Японию, Австралию, Россию. [\[7\]](#)

МЕТАВСЕЛЕННАЯ – УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Создание отраслевых метавселенных и модернизация передовых информационно-коммуникационных технологий в таких странах как США, Китай, Индия, Южная Корея и Япония создает новые условия для более интенсивной технологической конкуренции между странами.

В научных кругах Китая выделяют следующие угрозы, связанные с появлением метавселенных.

- *Оцифровка государственных идеологий. Метавселенная имеет потенциал для формирования новой транснациональной идеологии, которая, в свою очередь, окажет непосредственное влияние на политику различных стран.* [\[22\]](#)

В политической сфере метавселенная станет неотъемлемой частью государственной идеологии и социальной культуры страны и окажет когнитивное влияние на политическую и культурную безопасность.

· *Появление новых субъектов власти. Владельцы платформ метавселенной станут новыми субъектами власти или даже новыми центрами силы, пытающимися разделить власть с национальным государством.*

Уже сейчас Facebook продвигают «политическую стратегию» метавселенной, оказывая давление на американскую политическую элиту для внедрения карты метавселенной в государственные органы страны.

· *Страны не имеющие свои метавселенные, окажутся в невыгодном положении и могут столкнуться с дискриминационными порогами и требованиями.*

Метавселенная станет основной моделью будущей цифровой экономики. Вероятно будет создана новая международная система разделения труда, а страны, которым не хватает соответствующих чипов и конкурентоспособности, окажутся маргинализированы в этой новой системе.

· *Кибербезопасность. Кибератаки представляют собой серьезную угрозу для цифровой экосистемы, и метавселенная не может этого избежать.*

Кибератаки могут быть нацелены как на определенных пользователей, так и на терминалы устройств в метавселенных, а также на операторов или ключевых поставщиков услуг в метавселенных. Слияние виртуального мира и реального мира, вызванное метавселенной, сделает кибератаки более опасными, потенциально имеющими системные последствия для страны.

Российский исследователь Е.Н. Пашенцев в своей статье «Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации» отмечает, что «многочисленные объекты инфраструктуры, например роботизированные самообучающиеся транспортные системы с централизованным управлением посредством ИИ, могут стать удобной мишенью для высокотехнологичных терактов. Перехват контроля над системой управления транспортом в крупном городе может привести к многочисленным жертвам. Это, несомненно, вызовет панику и создаст информационно-психологический климат, облегчающий дальнейшие враждебные действия». [\[1, с.285\]](#)

Разработчики метавселенной пытаются использовать технологию блокчейн для обеспечения информационной безопасности пользователей в метавселенной, однако данная технология по-прежнему очень уязвима для кибер-злоумышленников. Если активы «аватара» пользователя и информация в метавселенной будут украдены, их пользовательская ценность мгновенно вернется к нулю. Огромные потенциальные выгоды позволят глобальному хакерскому сообществу сделать метавселенные следующей большой целью для киберпреступности. [\[19\]](#)

· *Новые формы международных конфликтов в киберпространстве.*

Столкновение между странами в военных метавселенных. VR-атаки на метавселенную противника с целью взлома блокчейна и использования информации противника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги отметим, что создание новой эры интернета подтолкнуло мировые коммуникационные процессы к виртуализации мировой общественной жизни и изменило международные тенденции взаимодействия.

В ближайшие несколько лет целевые аудитории и военные структуры разных стран столкнутся с различными вариантами метавселенных.

По своей сути метавселенная — это новая социальная среда, призванная обеспечить более глубокую коммуникацию для взаимодействия и обмена между людьми.

Первые прототипы метавселенных были использованы вооруженными силами США в 1980-х годах.

В последние десятилетия такие стандарты, как распределенное интерактивное моделирование и архитектура высокого уровня, способствовали интеграции разрозненных учебных симуляторов, позволяя военным тренироваться в виртуальном пространстве, моделируя новую концепцию военных операций и тестируя новые виды оружия, созданного на основе ИИ.

Вооруженные силы мировых технологических гигантов США, Китая, Индии на протяжении нескольких лет используют эффективное моделирование для базового обучения военных и создания передового тактического оружия на базе ИИ.

Таким образом, в регулярную военную подготовку внедрен искусственный интеллект военных игр — алгоритм, способный с точностью моделировать реальные боевые действия (Виноградова Е.А.).

Обучение является основным составляющим элементом эффективности в военных операциях, поэтому военная метавселенная может стать ключевым фактором повышения эффективности боевых действий, что повлечет за собой новые формы информационно-психологических противоборств и реальных военных столкновений.

Активное создание военных метавселенных и ускоренная гонка цифровых вооружений требует новых решений в области мировой кибербезопасности.

[1] Виртуальная реальность (VR) — это моделируемый опыт, который может быть похож на реальный мир или полностью отличаться от него.

[2] Цифровой аватар (цифровой двойник) — виртуальный образ человека.

[3] Сетевой симулятор — это программное обеспечение, которое может прогнозировать производительность компьютерной сети или беспроводной связи.

[4] Блокчейн — это реестр для хранения и передачи цифровых активов. Активы могут быть любые: деньги, акции, игровые персонажи, произведения искусства — всё что угодно.

[5] Облачные вычисления — модель обеспечения удобного сетевого доступа по требованию к некоторому общему фонду конфигурируемых вычислительных ресурсов, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами или обращениями к провайдеру.

[6] Облачное хранение — это модель облачных вычислений, которая дает возможность хранить данные и файлы в Интернете, пользуясь услугами поставщика облачных

вычислений.

[7] Технология 5 G — беспроводные сети пятого поколения.

[8] 3D-рендеринг — процесс преобразования 3D-моделей в 2D-изображения на компьютере.

[9] Расширенная реальность (XR) — комплекс иммерсивных технологий, которые объединяют физический и виртуальный миры.

[10] Интерфейс мозг-компьютер (BCI) — машина, представляющая собой прямой канал связи между электрической активностью мозга и внешним устройством, чаще всего компьютером.

[11] Дополненная реальность (AR) — результат введения в зрительное поле любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и изменения восприятия окружающей среды.

[12] Киберспорт — командное или индивидуальное соревнование на основе компьютерных видеоигр.

[13] Интеллект принятия решений (DI) -- это технология принятия решений, которая объединяет ключевые знания из прикладного направления data science, социальных наук и науки управления.

[14] Смешанная реальность (MR) — это сочетание физического и цифрового миров, обеспечивающее взаимодействие между человеком, компьютером и средой.

[15] Когнитивная война — это процесс когнитивной атаки и обороны, который является способом прикрытия военных операций и доминирования в когнитивном пространстве с точностью и эффективностью.

[16] Варгейм (Wargame) — это игровой жанр, призванный моделировать военный конфликт, реальный или вымышленный.

[17] Голокостюм — специальный костюм, используемый для тактической подготовки. Представляет собой двунаправленное устройство, реагирующее на цифровое пространство и имитирующее физическую активность в режиме реального времени. Имеет 40 встроенных датчиков на руках и ногах, включая все пальцы. Изготавливается из сетчатого материала. Применяется для тактической подготовки

Библиография

1. Пашенцев Е.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление электронный вестник. 2019. № 76. сс. 279-300. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10013 Pashentsev E.N. Malicious Use of Artificial Intelligence: New Threats to International Psychological Security and Ways to Neutralize Them. Moscow: Gosudarstvennoye upravleniye elektronnyy vestnik. 2019. № 76. pp. 279-300.
2. Bajwa S. Metaverse: Next Social Disruption and Security Challenge // ISSUE BRIEF. March 2022. pp.1-9.
3. Baughman J. Enter the Battlaverse: China's Metaverse War. China Aerospace Studies

- Institute // Military Cyber Affairs, Vol. 5, Iss. 1, Article 2. May 2, 2022. Available at: <https://www.airuniversity.af.edu/CASI/Display/Article/3052203/enter-the-battleverse-chinas-metaverse-war/> (accessed 21.08.2022).
4. Bazin A. The Metaverse: A New Domain of Warfare? // Small Wars Journal. April 2022. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/metaverse-new-domain-warfare> (accessed 11.08.2022).
 5. Cheung Man-Chung. In China, virtual influencers are taking on media roles traditionally held by humans. // Insider intelligence. Mar 24, 2021. Available at: <https://www.insiderintelligence.com/content/china-virtual-influencers-taking-on-media-roles-traditionally-held-by-humans> (accessed 9.08.2022).
 6. China's Debut in the Metaverse: Trends to Watch. // China Briefing. November 2022. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/metaverse-in-china-trends/> (accessed 15.08.2022).
 7. Dhapola S. The Made in India 'Holosuit' that wants to carve its own niche in the «Metaverse» // The Indian Express. November 17, 2021. Available at: <https://indianexpress.com/article/technology/tech-news-technology/the-made-in-india-holosuit-that-wants-to-carve-its-own-niche-in-the-metaverse-7627148/> (accessed 13.08.2022).
 8. Eversden A. Into the military metaverse: An empty buzzword or a virtual resource for the Pentagon? // Breaking Defense. April 12, 2022. Available at: <https://breakingdefense.com/2022/04/into-the-military-metaverse-an-empty-buzzword-or-a-virtual-resource-for-the-pentagon/> (accessed 13.09.2022).
 9. Fawkes A. Has the Military Been Building the Metaverse? // Halldale. November 24, 2020. Available at: <https://www.halldale.com/articles/17827-has-the-military-been-building-the-metaverse> (accessed 15.09.2022).
 10. Huff S. U.S. military is designing its own Metaverse. // Metaverse Post. May 18, 2022. Available at: <https://mpost.io/u-s-military-is-designing-its-own-metaverse/> (accessed 15.09.2022).
 11. Knight W. The US Military Is Building Its Own Metaverse. // Wired. May 17, 2022. Available at: <https://www.wired.com/story/military-metaverse/> (accessed 25.09.2022).
 12. Lamba B. Weekend Special: The Potential of a Military Metaverse // Wors Press. 2022. Available at: https://www.academia.edu/73530795/Weekend_Special_The_Potential_of_a_Military_Metaverse (accessed 7.09.2022).
 13. Siddaraddi A. AI-powered Metaverse training for Indian Army Troops. // Defence Direct Education. May 27, 2022. Available at: <https://defencedirecteducation.com/2022/05/27/ai-powered-metaverse-training-for-indian-army-troops/> (accessed 11.10.2022).
 14. Synthetic Training Environment. Available at: <https://armyfuturescommand.com/stc/> (accessed 11.10.2022).
 15. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy // The White House. October 12, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (accessed 11.10.2022).
 16. Vanorio F. Metaverse: Implications for Security and Intelligence. February, 2022 // NATO Defense College Foundation. Paper. Available at: <https://www.natofoundation.org/wp-content/uploads/2022/02/NDCF-Paper-Vanorio-110222.pdf> (accessed 18.10.2022).

17. Yamamoto G. T., Altun D. Virtual reality (vr) technology in the future of military training . The 6th Istanbul, Security Conference. Istanbul, November 5, 2020. pp. 79-93.
18. Yujun H. Comparative Study: How Metaverse Connect with China Laws // SSRN, October 20, 2021.pp. 1-17. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3955900 (accessed 22.10.2022).
19. 现代国际关系研究院:元宇宙与国家安全-碳链价值 // ccvalue.cn
20. 王冰:元宇宙将如何影响国际关系?_言论_国际网 // cfisnet.com
21. 中国要将元宇宙军事化?解放军报“从和平到战争”构想见端倪 // voachinese.com
22. 李铮:元宇宙或对国际关系产生广泛影响 // yuanyuzhoujie.com
23. 元宇宙愿景背后的政府与企业视点-瞭望周刊社 // news.cn

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает специфика применения технологий искусственного интеллекта в военно-политической сфере на примере метавселенных. Автор справедливо отмечает бурный рост количества и качества новых типов вооружений на основе искусственного интеллекта, что не может не оказывать определяющего влияния на военную промышленность всех вовлечённых в гонку вооружений стран. Соответственно, актуальность выбранной автором темы для исследования трудно переоценить. В качестве методологии исследования автор декларировал системный подход, хотя кроме указанного в процессе исследования явно применялись метод case study (при анализе трёх ключевых кейсов военных метавселенных США, Индии и Китая), критический контент-анализ публикаций на темы метавселенных и искусственного интеллекта, а также некоторые элементы институционального подхода при изучении процессов формирования и адаптации институциональной среды к внедрению технологий искусственного интеллекта в военную промышленность исследуемых стран. Вполне корректное применение указанных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, новаторской является сама тема военных метавселенных. Соответственно, научный интерес представляют выводы автора об особенностях использования этой технологии не только в военной сфере развитых стран вроде США, но и о сложностях и перспективах её внедрения в армии развивающихся стран вроде Китая и Индии. Не менее любопытен анализ новых рисков и угроз, связанных с возникновением и военным использованием метавселенных. К сожалению, автор акцентировал своё внимание на использование данной технологии при обучении военных кадров и симулировании боевых действий в центрах принятия решений, оставив за скобками весьма интересную область её применения непосредственно на поле боя. Можно предположить, что данный аспект автор оставил на перспективу своих исследований. Структура рецензируемой работы также производит вполне положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, даётся краткая характеристика её актуальности, описываются методология и источники эмпирического материала; - «Концептуальные оценки метавселенной», где анализируется концептуальная рамка понятия метавселенной; - «Искусственный интеллект в военной промышленности США»,

«Военная метавселенная в Китае: когнитивная стратегия и искусственный интеллект», «Создание военной метавселенной WARDEC в Индии», где последовательно раскрываются особенности разработки и применения метавселенных в армиях США, Китая и Индии, соответственно; - «Метавселенная – угроза международной кибербезопасности» – раздел, несколько выходящий за тематические рамки статьи, но представляющий научный интерес в силу некоторой генерализации основных рисков и угроз, связанных с распространением военного применения метавселенных; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, делаются выводы и намечаются некоторые перспективы дальнейших исследований. Стилистически рецензируемая статья также производит положительное впечатление: она представляет собой научную работу, написанную хорошим научным языком, с корректным использованием научной терминологии. В тексте встречается некоторое (некритическое) количество грамматических (например, неверная форма глагола в предложении «Стратегическая коммуникация ведущих мировых держав зиждиться на...»; или пропущенная запятая после вводного слова «например» в предложении «... Многочисленные объекты инфраструктуры, например роботизированные самообучающиеся транспортные системы...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно. Библиография насчитывает 23 наименования, в том числе источники на нескольких иностранных языках, и в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении основных подходов к интерпретации феномена метавселенных.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Международные отношения» и будут представлять интерес для военных теоретиков, политологов, конфликтологов, специалистов в области государственного управления, государственной безопасности, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Деметрадзе М.Р., Шорохова С.П. — Роль «Кремниевой долины» в современных геополитических процессах. Вызовы для постсоветских государств // Мировая политика. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.3.38727 EDN: ZJHXNL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38727

Роль «Кремниевой долины» в современных геополитических процессах. Вызовы для постсоветских государств

Деметрадзе Марине Резоевна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7676-8054>

доктор политических наук

главный научный сотрудник, Институт наследия министерства культуры, профессор
РАНХИГС/ПРОФЕССОР УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

117292, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2

✉ demetradze1959@mail.ru

Шорохова Светлана Петровна

кандидат философских наук

доцент, руководитель факультета международных отношений, института мировых цивилизаций

117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский Проспект Дом, 48, оф. 96

✉ demetradze1959@mail.ru

[Статья из рубрики "Мировая политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.3.38727

EDN:

ZJHXNL

Дата направления статьи в редакцию:

07-09-2022

Аннотация: Настоящая работа посвящена актуальной теме роли технопарков в современных глобализационных процессах мировой и национальной экономики. Это далеко не случайный факт, поскольку специфическая структура современного миропорядка бросает особые вызовы обществам постсоветского пространства. Перспективы их развития и равноправного участия в модернизационных процессах зависят от их способности соответствовать новым требованиям. В связи с этим,

глубокого переосмысления и тщательного анализа требуют её движущие механизмы, затрагивающие практически все государства и общества. В работе особое внимание уделяется феномену «кремниевых долин», роли науки в США и странах Юго-Восточной Азии, производится сравнительный анализ их специфических черт. На основе полученных данных определяются степень отставания постсоветских обществ, предлагаются меры по его преодолению, прежде всего – путём реформирования образовательной системы и науки, автоматически выдвигающих на первое место человеческий фактор и интеллектуальный капитал. В работе используется междисциплинарный подход социально-гуманитарных дисциплин, в частности – социокультурной антропологии, семантики, структурный, сравнительный анализ – на основе которых выявляются проблемы постсоветских обществ, анализируются современные модернизационные и глобализационные процессы. Работа ориентирована на широкий круг читателей, интересующихся феноменом «кремниевых долин», а также научных деятелей в сферах политики, права, социологии, экономики, культурной антропологии.

Ключевые слова:

кремниевая долина, транснациональный мир, глобализация, модернизация, технопарк, человеческий фактор, интеллектуальный капитал, постсоветское пространство, политическая культура, научно-технический прогресс

Новая социокультурная архитектура фундаментально изменила многовековые традиции межгосударственных отношений, как и всё мировое пространство. Она стала достаточно многомерной, многообразной и сложной, так как структурные изменения вносят такие факторы, как модернизация, глобализация и т.д. В связи с этим, глубокого переосмысления и тщательного анализа требуют её движущие механизмы, затрагивающие практически все государства и общества. Возникает вопрос: когда и при каких условиях – или на каком этапе человеческой истории – произошла смена парадигм, то есть переход от традиционной формы геополитики к современной, и в чём его сущность? И действительно, если ранее установление контроля над природными ресурсами, торговыми путями, стратегически важными объектами (крупные реки, выходы к морям, океанам, горы и т.д.) требовало прямого завоевания территорий, то начиная со второй половины XX века подобный подход к геополитике радикально изменился: на смену старой имперской политике пришла новая, опирающаяся на не прямые формы экспансии (культурную, экономическую) [7. С.368]. В современных условиях более нет необходимости владеть землёй и ресурсами в старом смысле, поскольку занятие лидирующих позиций на мировом рынке и контроль над ним позволяет обеспечить мировое доминирование, что могут себе позволить исключительно развитые государства. Что же позволяет им без единого выстрела достигать подобных высот и в чём секрет их развития?

Прежде всего, речь идёт о субститутах и интеллектуальном капитале, превосходящих по своей ценности природные ресурсы и позволяющих странам производить современную продукцию. Разумеется, авторы ни в коем случае не намерены обесценить природные ресурсы; речь идёт о том, что участие в современном глобализационном процессе без новых технологий не представляется возможным. В условиях постиндустриальной эры на смену оружию пришло финансовое соперничество, при чём его основным продуктом являются уже не столько деньги, сколько информационные технологии. Следовательно,

в развитых государствах возникли новые наукоёмкие отрасли производства, о которых и пойдёт речь ниже [5. С.400].

Отметим, что мир в его текущем состоянии можно назвать транснациональным. В современной мультикультурной среде дифференциация и интеграция парадоксальным образом становятся взаимообусловленными факторами, одновременно сохраняя национальную идентичность и приводя к появлению надгосударственных структур. Кардинальное изменение ритмов глобализации и постоянное установление новых правил геополитической игры становится очевидным.

Специфические черты транснационального мира

Особую актуальность в текущее время приобретают такие категории, как информационная эра, технократическое общество, интеллектуальные технологии, интеллектуальный капитал, рынок, конкуренция и ТНК, взаимосвязанность которых не вызывает сомнений. Однако, данные позитивные процессы сопровождаются негативными явлениями, порождающими опасения у ряда социумов: на какие правила опирается глобальная транснациональная политика; не предполагает ли процесс транснационализации экономики нивелирования национального суверенитета, не приводит ли он к доминированию сильных государств над слабыми, власти денег и перераспределению рынка в интересах первых; в чём секрет современной экономической политики и «экономического чуда» государств юго-восточной Азии; насколько данные процессы социально ориентированы, безопасны и приемлемы для молодых государств, в особенности постсоветских, не знающих правил рынка, не имеющих культуры предпринимательства и прочных экономических традиций; насколько для них открыты возможности участия в этих процессах на равноправной партнёрской основе, могут ли они достичь показателей передовых стран мира.

Разумеется, ответы на эти вопросы остаются открытыми, и не только потому, что отстающие от современных стандартов государства не могут справиться с давлением жёсткой экономической конкуренции и законов мирового рынка [10.С. 600]. Ведь не является секретом тот факт, что во всём постсоветском пространстве, несмотря на наличие множественных наработок, до сих пор нет полноценной теории закономерностей экономического развития, преодоления кризиса, сокращения дистанции с развитыми странами, закономерным следствием чего является отсутствие достаточного понимания рыночных механизмов, законов формирования цен, повышения конкурентоспособности национального продукта и т.д. Сложившаяся ситуация требует поиска новых теоретико-методологических подходов для выявления особенностей глобализации, движущих сил модернизации, специфики современной глобальной экономики; в противном случае будет сохраняться дисбаланс между развитыми и развивающимися странами, что затрудняет мирное сосуществование различных социумов. Новая теория должна позволить спрогнозировать риски для постсоветских обществ, создать механизм их предотвращения и преодоления.

С этой точки зрения, следует рассмотреть проблемы современного миропорядка в контексте многообразия рынков, интегрирующих в себе такие феномены как информационные технологии и «кремниевые долины». Отдельное внимание стоит уделить таким факторам, как «экономические чудеса» стран юго-восточной Азии, создающих новые экономические центры, тем самым противостоя выстраиванию однополярной мировой системы.

Социокультурное основание построения информационного общества

Особого внимания требуют факторы, приведшие к смене парадигмы современной глобализации. Они напрямую связаны с научной революцией, повышением практической значимости научных открытий и, как ни парадоксально, не с экономическими, но социологическими теориями, приведшими к трансформации самой экономики, превратив её в область удовлетворения экономических запросов индивида. Описываемые процессы происходили с 1950-х, но предпосылки к ним появились несколько раньше[13. С.347].

Перед продолжением темы отметим, что современные модернизационные процессы берут начало в период промышленной революции в Великобритании с конца XVIII века. Но было бы ошибочным полагать, что она возникла спонтанно и без должной научной подоплёки. С полной уверенностью можно отметить, что ей предшествовала первая научная революция, начавшаяся в конце XVI века в странах запада, результатом которой явилось возникновение новых специальностей, наук, специальностей и прочих новшеств, приведших к формированию буржуазии (среднего класса). С того периода политические и экономические процессы начали зависеть от результатов деятельности этого слоя общества. Тогда же – впервые в истории человечества – интеллектуальный капитал стал движущей силой общества, превратив Великобританию (как первопроходца) в доминирующее государство принципиально нового типа. И поскольку модернизационные достижения были распространены по всему западу, то к XIX веку колониализм как новая форма геополитики стал общемировой практикой. Начиная с этого периода все крупные трансформации общества не происходили без предварительного создания научной базы.

Ни в коем случае не умаляя значимости трудов исследователей данного периода, мы всё же вынуждены отметить его слабую изученность в контексте модернизационных процессов, а именно – как первоисточника влияния интеллектуального капитала на социальный прогресс, заложившего основу современной модернизации. По нашему мнению, данная тема заслуживает отдельного широкого изучения в контексте научных революций.

Возвращаясь к теме современной глобализации, выделим её предпосылки, этапы и благоприятствующие факторы. Научная организация политического пространства современных государств, а также воздействие науки на трансформацию структуры общества, впервые были поставлены в повестку дня американскими политиками и государственными деятелями.

Пионером в данной сфере можно считать 28-го президента США Томаса Вудро Вильсона, ещё до своего срока разработавшего теорию под названием «Закон Педлтона», дающего чёткие правила занятия государственных должностей и внедрявшего практику сдачи государственных экзаменов, что заложило основу дисциплины государственного управления. С этого периода (1887 г.) государственные институты и деятельность политиков стали максимально прозрачными и конструктивными. Впрочем, данная практика намного старше, чем может показаться: схожие принципы прослеживаются в практиках «Школы книжников», существовавшей в древнем Китае (предп. 127 г. до н.э.).

К 1920-м наметившаяся тенденция к рационализации политической сферы была Чикагской Школой Жизни, провозгласившей принцип выхода социальных наук из стен университетов, их слияния с обществом. В отличие от европейской социологии, впервые предпринявшей попытку изучения общественных процессов научными методами (в отличие от умозрительных философских и исторических подходов), американские исследователи создали условия для практической имплементации своих разработок. Заслугой их начинаний можно считать создание первых «мозговых центров»,

осуществляющих консультацию политиков, теоретическую разработку политического курса государства и т.д.

Преимущество функционирования «мозговых центров» в их многопрофильности: они осуществляли экспертизу не только политических процессов, но и физики, инженерии, биологии, химии, экономики, медицины и т.д. При этом, они имели достаточно узкую специализацию, концентрируясь на конкретных проблемах. Ещё одной отличительной чертой таких центров стало то, что они функционировали как самостоятельно, так и на базе крупных государственных учебных заведений. В качестве примера значительности их роли в истории США приведём следующий факт: в период социально-экономического кризиса 1930-х, президент Франклин Рузвельт обратился к экспертам Центра Брукинса для разработки государственной стратегии по преодолению проблемы, назвав своё обращение «Повесткой дня Брукинса»; эксперты справились с поставленной перед ними задачей, предоставив в администрацию президента соответствующую программу, но уже под названием «Повестка дня нации». Это наглядно демонстрирует решающую роль экспертов в оценке ситуации и непосредственном решении проблемы.

Отдельного внимания заслуживает роль таких центров в международных отношениях. Например, планы по восстановлению Германии и Японии после Второй мировой войны, разработанные экспертами Центра Маршалла, привели к «экономическому чуду» в названных государствах.

Уже к середине XX века такая практика стала неотъемлемой частью американской политики. Преимущества научного подхода подтверждались на практике: предпринимаемые меры прогнозировали социокультурные процессы, а применение научных методов (бифуркации, аттрактора, эквифинальности) сводило к минимуму просчёты и издержки за счёт предотвращения необдуманных рисков и затрат.

После Второй мировой войны роль таких центров усилилась за счёт превращения США в мировую державу. Соперничество с СССР требовало укрепления не только военной, но и экономической мощи, дабы показать всему миру преимущества капиталистической системы хозяйствования над социалистической. В связи с этим, все союзники США должны были следовать единым экономическим правилам и внедрять достижения научно-технического прогресса, переняв, как следствие, практику создания «мозговых центров». В США же они перешли на качественно новый уровень, образовав целые поселения, городки, соединявшие науку и производство современной технической продукции. Такие места с распространением полупроводников получили название «технопарков» или «кремниевых долин»[8. С.272].

Совершенно очевидно, что во второй половине XX века мир вступил в новую эру: государство становилось всё более зависимым от технократов, проектировщиков и менеджеров, закладывавших основу социоинженеринга, т.е. меритократической формы правления [2.С 783]. Это означало придание социокультурным процессам социального характера. Прежде всего, изменения коснулись экономики: чисто экономические теории начали объединяться с социологическими, целью чего было подчинение экономики интересам индивида. Особые заслуги в данном деле принадлежат Эрроу (экономическое равновесие), Фришу (эконометрика), Мюрдалю (проблема равноправия, его роль в мировом развитии), Шульцу (экономика пребывания в бедности). Однако, это не было простой задачей, а потому она требует отдельного внимания. Специально разработанные социологические и культурно-антропологические методы – прежде всего, диагностики и прогнозирования – применяемые в различных общественно значимых процессах, привели к их слиянию в области права, политики, физики, химии и прочих, образовав

междисциплинарные подходы. Решающую роль в этом сыграла выдающаяся школа американских социологов, поставившая перед собой задачу институционализировать все общественно значимые процессы в американском обществе. На внутригосударственном уровне была разработана теория стратификации, создавшая дополнительные социальные лифты, а Морено, соединив биологию с социологией, предложил оригинальную теорию человеческих отношений; Сорокиным и Парсонсом была разработана теория структурного функционализма; появились теории культуры повседневности, города, молодёжи, пожилых, а позднее – теории среднего уровня.

На международном же уровне культурными антропологами, социологами и экономистами разрабатывались и внедрялись теории модернизации для не-европейских государств, имеющие целью их привлечение на американскую сторону. Как ни странно, разработка и применение таких теорий привели к возникновению анти-американских настроений в странах юго-восточной Азии, взявших курс на самостоятельное развитие. И как показывает практика, они не ошиблись в выборе своего пути, не допустив существование однополярного миропорядка в современных условиях. При этом следует особо подчеркнуть, что отвергнув американское влияние, они всё же заимствовали основные принципы модернизации – научно-технический прогресс, первенство интеллектуального капитала в стране – нашедшие воплощение в новой национальной идее (модернизация, но не вестернизация).

Данный краткий обзор был предпринят с целью показать предпосылки и специфику зарождения и информационной эры, а также первичную роль науки в данном процессе. Вместе с тем считаем, что сама «кремниевая долина» как стержень современной экономической системы требует отдельного внимания, а потому опишем её отдельно [9. С.495].

Специфика организации «кремниевых долин» в странах мира

Поскольку феномен «кремниевых долин» изначально был исключительно американским, то рассмотрение их истории следует начать именно оттуда.

Отцом явления считается профессор Стэнфордского университета Фредерик Терман, ещё в 1930-е годы предложивший своим студентам создавать учебные предприятия для применения на практике полученных знаний. Нельзя не упомянуть также имена таких ученых как Уильям Хьюлетт и Дэвид Паккард (1939 год) создававшие первые технико-внедренческие компании. Создание небольшой группой бизнесменов и упомянутыми учёными Стэнфордского исследовательского центра, а затем и индустриального парка в 1946 году стало одним из ключевых моментов развития долины (здесь же был разработан первый в мире компьютер (ENIAC) <https://vc.ru/marketing/167058-kremnievaya-dolina-kratkaya-istoriya> //дата обращения 04.05.21

Приведем и другие примеры: физик Уильям Шокли в середине 1950-х открыл полупроводники, заложив основы революции в вычислительной технике; в 1957 году в Кремниевой долине появилась компания Fairchild Semiconductor – первая компания в микропроцессорной индустрии. Считается, что именно использование кремния как полупроводника при производстве микропроцессоров и дало название долине. Тем самым впервые в истории человечества закладывается практика соединения технологии и предпринимательства, что способствовало изменению мировой системы экономики и глобализационных процессов. <https://indicator.ru/label/kremnievaya-dolina> //дата обращения 04.05.21

В послевоенный период, чтобы придать новые силы экономике, нужен был серьезный

толчок развитию промышленности. В разных регионах страны возникли центры, тесно сотрудничавшие друг с другом: Калифорния, Массачусетс и Новая Каролина. Также в 60-х годах такие центры создаются в Японии, Южной Корее, Великобритании, ФРГ, Франции и т.д., выпускающие конкурентоспособную наукоемкую продукцию и обеспечивающие своим производителям лидерство на мировом рынке.

Многосторонний подход и объективность требует отметить, что такие городки создавались и в СССР, когда здесь был открыт Сибирский научный городок. Однако, вопрос сохранения социалистического блока выводил на первый план гонку вооружений, необходимость поддержания идеологических основ, что негативно сказывалось на гражданской сфере: несмотря на наличие множества научных достижений в области физики, химии, электроники, ядерной энергетики и т.д., социально-экономической мощи страны не уделялось должного внимания, что можно считать одной из причин отторжения союзных республик от центра. Кроме того, страны капитализма конкурировали между собой, повышая свой экономический потенциал, тогда как советская система оказалась затратной и не конкурентоспособной. При этом следует отметить, что многие предприятия и отрасли – например в КНР и КНДР, Вьетнаме, Кубе, Чили и т.д. – открывались при непосредственной финансовой и технической помощи СССР. Например, в КНР были открыты примерно 250 предприятия, но как показывает практика, они не выдержали конкуренции, поскольку преодоление их технологического отставания было не по силам советской системе. Касательно ресурсного и технического обеспечения стран юго-восточной Европы, а также их оборонного комплекса, требовавшего огромных затрат на поддержание, и говорить не приходится. И факт низкой эффективности системы следует выделить отдельно, поскольку последствия и причины её распада до сих пор не до конца осознаны и преодолены.

Сравнительный анализ двух систем выдвигает необходимость выделить специфические черты современных глобализационных процессов, ведущую роль в которых играет научно-технический прогресс, основой поддержания которого в настоящее время являются «кремниевые долины». Последние, по сути, представляют из себя технико-внедренческие зоны, являющиеся стратегическим инструментом политики экономического развития ведущих стран мира. Их цель – создание наукоемких производств, содействие экономическому реформированию, трансформация экономики от плановой к рыночной (где это необходимо), интеграция национальной экономики в мировую. Это естественным образом порождает новые вызовы: подготовка высококвалифицированных научных кадров, создание новых профессий, налаживание связей между технико-внедренческой зоной с внутренней и внешней экономикой и т.д. <https://utmagazine.ru/posts/12540-kremnievaya-dolina-mesto-istoriya-infrastruktura-i-samyie-uspeshnye-lyudi-proekty-i-kompanii> дата обращения 05.05.21

Для ведущих стран юго-восточной Азии (Сингапур, Тайвань, Южная Корея) такие зоны стали основой трансформации традиционной модели национальной экономики к созданию и экспорту высоких технологий. В свою очередь, следствием такой трансформации стала высокая конкурентоспособность национального продукта на мировом рынке [4. С.180].

В конце XX века даже коммунистический Китай, осознав вызовы современных глобализационных процессов, принял в 1980 году решение под названием «новая технологическая революция». Одним из первых результатов стала зона «Один район – шесть парков» в Шанхае, открывшаяся в 1992 году. На сегодняшний же день в Китае насчитывается 57 парков и 10 типов современного производства: микроэлектроника,

электронные и информационные технологии, авиационные и космические технологии, фотоэлектроника, инновационная энергетика, производство новых материалов, технологии в сфере экологии и охраны окружающей среды, технологии энергосбережения, фармацевтика и медицина, сельское хозяйство.

Краткий анализ различных моделей позволяет создать общую модель структуры «кремниевых долин». Прежде всего, это исследовательский парк, город, промышленная зона, бизнес-инкубатор, зона развития новых технологий. В основе их практической деятельности лежит проведение исследований и разработка высоких технологий, соединение промышленности и НИОКР, рост уровня производительности, подготовка научных кадров и создание новой структуры занятости, оказание информационных услуг. Как правило, такие поселения возникают рядом с крупными городами, в регионах с развитой образовательной базой. Их основная задача – использование ресурсов, конкретизация и распределение научных технологий в местных исследовательских центрах, находящихся вблизи университетов, способных проводить исследование и разрабатывать технологии. Кроме того, в их задачи входит непрерывное проведение НИОКР, обмен исследованиями и технической информацией, что создаёт общую исследовательскую базу.

Открытия «кремниевых долин» передаются различным компаниям. Особенностью подобной модели сотрудничества является заинтересованность в научном прогрессе не только учёных, но и владельцев крупных финансовых и производственных центров, поскольку от этого зависит конкурентоспособность их продукта, сила национальной экономики, а также вопрос выхода компании на транснациональный уровень. Именно этим и объясняется концентрация всех крупных IT-компаний в подобных «кремниевых долинах». Такие новые участники создают новую структуру экономического взаимодействия в условиях глобализации: транснациональные корпорации и магистрали, открывающее государственные границы и в некотором смысле отбирают часть суверенитета у национальных государств, подчиняя их новым правилам игры. Кроме того, они выстраивают новые формы взаимодействия: зоны свободной торговли, свободные экономические зоны, международные инвестиционные фонды, зоны экономического развития, свободные аграрные зоны, а также надгосударственные организации (ОСР, БРИКС, ШОС) [6. С.340].

Современная глобализация – эра реализации идей инновационного развития, в которой монополизированные знания становятся новым источником национального богатства, инновационного капитала, создающего инновационные сети общепланетарного масштаба. Именно превращение научных открытий в практический продукт служит индикатором инновационного развития общества. Государства, осознающие важность научных знаний в современных глобализационных процессах, занимают лидирующие позиции, тогда как не осознающие обрекают себя на отставание и зависимость от первых. Поэтому сегодня вопрос сохранения национального суверенитета требует переосмысления в контексте информационной эры и научно-технического прогресса [3. С.250].

Положение дел в России и постсоветских обществах

Специфика современных глобализационных процессов демонстрирует зависимость модернизационных процессов от таких структур, как «кремниевые долины», без которых государство не способно создать конкурентоспособные (не сырьевые) ТНК и занимать высокие позиции на мировом рынке. Такое положение дел вынуждает выделить объекты, связанные с практической имплементацией достижений научно-технического прогресса,

расположенные на территории РФ и прочих постсоветских государств.

С одной стороны, нельзя утверждать, что таких центров не существует как явления. Например, в России в 2010 году был открыт Инновационный центр «Сколково», призванный выполнять аналогичную «кремниевым долинам» роль, и в котором по официальным данным зарегистрировано 2250 компаний, разрабатывающих производящих новые технологии. Но с другой стороны, результаты их деятельности не совпадают не только с задаваемыми лидерами рынка стандартами, но даже с внутренними целями самого центра. Не вполне понятно, не является ли «Сколково» исключительно символическим намёком, заявкой на соответствие России мировым стандартам; вопросы вызывает также инвестиционный фонд, его прозрачность; наконец, разрабатываются ли меры для реструктуризации российской экономики и сокращения дистанции с передовыми странами мира. К сожалению, из-за отсутствия информации мы не можем привести других примеров.

Впрочем, в России имеются намёки на позитивные изменения. Так, в марте 2021 года мэрией Москвы было объявлено о наличии планов открыть в городе технопарки в сфере информационных технологий, пищевой промышленности и наукоёмких производств на месте старых заводов. Данное заявление, однако, до сих пор (27.04) не подкреплено никакими нормативными документами; не вселяет оптимизма и сомнительный опыт «Сколково». Однако, авторы выражают надежду, что это является первым шагом к полноценному осознанию необходимости введения практики «кремниевых долин».

Схожую картину демонстрирует, например, Грузия, в которой предпринималась попытка открытия технического университета в Батуми. Однако, вопрос был закрыт. Нынешняя власть так же обещает создать инновационный центр в городе Кутаиси, строительство которого уже близится к концу. Можно привести в пример Тбилиси, в котором есть несколько университетов, претендующих на статус центров инновационных технологий. Впрочем, практика показывает, что Грузия ещё далека от реального включения в мировые модернизационные процессы. Успех или провал её попыток мы сможем наблюдать уже в недалёком будущем.

Невозможно оставить без внимания и опыт Республики Беларусь (за предоставленную информацию выносим отдельную благодарность гражданке Республики Беларусь, студентке факультета МО РАНХиГС Власовец Диане Эдуардовне). <https://провед-медиа.рф/eaes/beloruskij-park-vysokih..> <https://www.park.by/> дата обращения 06.05.21 Он примечателен тем, что первый технопарк в стране был создан даже раньше, чем в России – в 2005 году, декретом президента от 22.09.05 № 12 «О Парке высоких технологий». Целью его создания является повышение конкурентоспособности национальных отраслей экономики, связанных с использованием высоких технологий, проведение разработок современных информационных технологий и программного обеспечения, увеличение их экспорта, а также привлечение в эту сферу отечественных и иностранных инвестиций. Основными направлениями деятельности ПВТ являются разработка и внедрение информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения в промышленных и иных организациях республики, а также экспорт указанных технологий и программного обеспечения за ее пределы.

Пожалуй, главная заслуга Парка Высоких Технологий – это создание прецедента практики внедрения технопарков на территории СНГ. Кроме того, его деятельность нельзя назвать фиктивной: согласно опубликованному на сайте ПВТ релизу, за предоставлением услуг к резидентам белорусской «кремниевой долины» обращались пять из десяти крупнейших мировых корпораций, а воспользовались услугами не менее

67 компаний из разных стран мира. При этом 91% производимого в Парке программного обеспечения уходило на экспорт: 43,2% в США, 49,1% в страны Западной Европы и 5,3% — в Россию и страны СНГ. Тем не менее, в силу задержки модернизационных процессов, экономика республики быстро теряет конкурентоспособность. Из-за пандемии оказались под вопросом экономические модели многих стран, в том числе и России – ключевого партнёра Беларуси.

Помимо этого, политический кризис ещё больше усилил давление на экономическую модель в республике. Это выражается и в падении спроса за рубежом на белорусские товары, и в затруднительном положении государственных финансов, и в экономическом положении государственных концернов. В настоящее время потенциал роста белорусской экономики сильно ограничен, для преодоления чего необходимы либерализации экономики, расширение пространства для частного бизнеса, рыночные реформы и повышение эффективности госкомпаний.

Отдельно отметим, что постсоветское пространство – категория достаточно широкая, охватывающая страны Балтийского региона, Кавказско-Прикаспийского, ближней и центральной Азии, Беларусь, Молдавию, Украину. Однако, рассматривать все эти регионы в одной работе не представляется возможным, а потому мы ограничились кратким обзором трёх государств этого пространства. Кроме того, страны Балтийского региона с 2004 года официально входят в состав ЕС, а потому их рассмотрение допускается только в составе Европы.

Выводы для постсоветского пространства

Переходя к выводам, мы вынуждены вернуться к поставленным в начале работы вопросам: на какие правила опирается глобальная транснациональная политика; не предполагает ли процесс транснационализации экономики нивелирования национального суверенитета, не приводит ли он к доминированию сильных государств над слабыми, власти денег и перераспределению рынка в интересах первых; насколько данные процессы социально ориентированы, безопасны и приемлемы для молодых государств, в особенности постсоветских, не знающих правил рынка, не имеющих культуры предпринимательства и прочных экономических традиций; насколько для них открыты возможности участия в этих процессах на равноправной партнёрской основе, могут ли они достичь показателей передовых стран мира [12. С.337].

Исследование показало, что мир, и в особенности постсоветские общества, оказались перед более сложными вызовами, чем в период Холодной войны. В настоящий момент перед ними стоят принципиально новые задачи: они должны собственными усилиями создать современные государства, доказать свою состоятельность и конкурентоспособность, сократить дистанцию с развитыми странами. Без всего этого невозможно достижение равноправного участия в глобализационных процессах [11.С.349].

Кроме того, современные реалии диктуют новые требования для международных надгосударственных организаций, выполнение которых необходимо для формирования предсказуемого, прозрачного, контролируемого, устойчивого и безопасного миропорядка. От себя мы можем смело предложить ряд конкретных мер:

- необходимо распределить мировые ресурсы для поддержания и развития отстающих государств, создания устойчивой стартовой позиции для их включения в процессы глобализации;

- для повышения эффективности расходования выделяемых ресурсов, видится целесообразным установление контроля над внутригосударственными процессами обществ постсоветского пространства со стороны международных организаций в сферах, подчинённых международному праву;
- требуется проведение реформ в области образования и науки, что должно способствовать созданию «кремниевых долин», со своей стороны призванного привести к первенству человеческого фактора и интеллектуального капитала в государстве.

Мы уверены, что Россия и постсоветское пространство имеют значительный потенциал в силу обладания ресурсами, в том числе и человеческими. При правильном использовании имеющегося капитала, возможность создания стартовых позиций для включения этих стран в общемировые модернизационные процессы и преодоления имеющегося отставания не вызывает сомнения. Думаем, что предложенные меры являются наиболее оптимальными, и на данном этапе не имеют приемлемой альтернативы [14.С.540].

Следует, однако, учесть, что никакие изменения не будут иметь положительных результатов без смены парадигмы в самом обществе. Речь идёт о трансформации традиционной политической культуры общества в современную (гражданскую). Только так можно вывести интересы человека и общества на первое место в государственной политике, сменить парадигму с государствоцентризма на социоцентризм [1. 2020].

Библиография

1. Абхиджит Банерджи Эстер Дюфло и Майкл Кремер for thea eqsper imental approach to alleviating global poverty (за экспериментальный подход к искоренению глобальной бедности. Работа нобелевской премии по экономике. 2020
2. Белл Даниэл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004 С..783
3. Гриванов Р. Ю. Специальные экономические зоны в системе международных экономических связей. Владивосток. 2018.С.250
4. Ковалев Ю.Ю. Инновационный сектор мировой экономики. Екатеринбург. 2017. С.180
5. Липец Ю.Г., Пуляркин В.А., Шлихтер С.Б. Геоогрpfия мирового хозяйства. М. 2017. С.400
6. Сравнительный анализ экономик стран, входящих в БРИКС. М. 2018. С.340
7. Родионова И.А. Промышленность мира: территориальные сдвиги во второй половине XX века. М.2002 С.368
8. Экономика инновационного развития / под ред.М.В. Кудинова. И М.А. Сажинной. М.2018 С. 272
9. Портер. М. Д. Конкуренция. Пер. с англ. М.: Вильямс, 2003.С. 495
10. Селигмен Б. Менгер, фон Визер и возникновение австрийской школы // Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс, 1968. — 600 с.
11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. МБ. Левина. — М.", 2013. С. М.: ООО "Издательство АСТ": ОАО "ЛЮКС", — 349,
12. Хайек Ф. А. Глава 5. Джозеф Шумпетер (1883—1950). Методологический индивидуализм // Судьбы либерализма в XX веке. — М.: ИРИСЭН, 2009. — 337 с.
13. Шумпетер И. теория экономического развития. М. /кономика. С. 347

14. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М. 1995. 540 С.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является специфика новой парадигмы современной геополитики, характеризующейся смещением акцентов в пользу не прямых (культурных и экономических) форм экспансии на основе интеллектуально ёмких технологий, информации, финансов и т. д. Авторы справедливо отмечают высокую степень актуальности выбранной темы, апеллируя к произошедшим в последние десятилетия радикальным изменениям в мировой политике: глобализации, транснационализации, постиндустриализации и т. д. К этим аргументам можно добавить также недостаточную разработанность темы в научной литературе: геополитические концепции до сих пор в существенной мере «привязаны к земле», т. е. к традиционным формам геополитического доминирования посредством контроля над территорией, природными ресурсами, торговыми путями и т. д. В то время как в условиях современной системы международных отношений всё большее значение приобретают технологии «soft power», финансового, культурного, информационного и других «мягких» форм доминирования. В этом контексте интерес авторов к такому феномену, как «кремниевые долины» вполне понятен и обоснован. Концептуальной рамкой рецензируемого исследования выступили теории глобализации, транснационального мира, технократического, информационного, постиндустриального общества и т. д. К сожалению, уделив немало внимания описанию теоретических оснований своего исследования, авторы практически ничего не говорят об использованной методологии. Из контекста можно понять, что помимо общенаучных аналитических методов применялся системный подход, а также сравнительный, исторический и институциональный методы. В процессе корректного применения указанных методов авторам удалось получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, достаточно новаторским представляется сам подход, предложенный в рецензируемой статье, связывающий геополитические процессы с интеллектуальным потенциалом участников геополитического противостояния. Определённой научной ценностью обладает также сравнительный анализ организации «кремниевых долин» в разных странах мира, а также практические выводы по результатам этого анализа. Наконец, можно отметить свод практических рекомендаций для России и постсоветских стран по реализации потенциала равноправного участия в глобализационных процессах. В структурном плане статья также производит положительное впечатление: логика изложения достаточно последовательна, а структурные элементы рубрицированы. В тексте выделены следующие разделы: вводная часть, в которой ставится проблема, цели и задачи исследования; четыре содержательных и заключительный разделы. В первом содержательном разделе раскрываются особенности современного миропорядка; во втором обосновывается значимость информационного фактора глобализационных процессов; в третьем проводится сравнительный анализ особенностей реализации «кремниевых долин» в США, Японии, Южной Корее, Великобритании, ФРГ, Франции, СССР и др. странах; в четвёртом подробно анализируется положение дел с «кремниевыми долинами» в России и постсоветских странах. В заключительном разделе подводятся итоги, делаются выводы и формулируются практические рекомендации для политиков постсоветских стран. По стилю рецензируемую статью можно охарактеризовать как научную работу, написанную

достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным применением научной терминологии. Библиография насчитывает 14 наименований и в достаточной мере отражает положение дел в исследуемой области. Хотя и могла бы быть усилена за счёт использования источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам имеет место в части обсуждения особенностей глобализационных процессов в современном мире, а также подходов к организации «кремниевых долин» в разных странах.

ОБЩИЙ ВЫВОД: представленная к рецензированию статья может быть квалифицирована в качестве научной работы, отвечающей требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты будут интересны политологам, социологам, специалистам в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, геополитики а также студентам перечисленных специальностей. Статья соответствует тематике журнала «Мировая политика» и рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Ведерникова М.И. — Видение имиджа России европейцами с 2000 по 2014 год // Мировая политика. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.3.43445 EDN: ZJJNJF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43445

Видение имиджа России европейцами с 2000 по 2014 год

Ведерникова Мария Игоревна

аспирант, СПбГУ

125993, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 Подъезд № 7, стр. 3.

✉ maria.vedernikowa@yandex.ru

[Статья из рубрики "Международный имидж государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.3.43445

EDN:

ZJJNJF

Дата направления статьи в редакцию:

27-06-2023

Аннотация: В данном исследовании предпринята попытка составить целостное представление об образе России в Европе на примере того образа страны в Великобритании, Франции и Германии, который сформировался в период с 2000 по 2014 год, т. е. до присоединения Крыма к России, поскольку данное событие имело негативные последствия для имиджа России в европейских странах и после него имидж значительно ухудшился. Выбор объекта и предмета исследования продиктован целью данной работы. Объектом выступает имидж государства как один из наиболее значимых элементов «мягкой силы», а предметом – имидж России в Европе с 2000 по 2014 год. Цель данного исследования состоит в рассмотрении имиджа России в указанный период в европейских странах (на примере имиджа России в Великобритании, Франции и Германии). Методология исследования основана на принципах научной объективности и системности: материалы выбираются и рассматриваются в контексте ситуации, а факты и события анализируются комплексно. Важная роль при проведении исследования была отведена общенаучным методам исследования – контент-анализу и сравнительному анализу. Междисциплинарный подход позволяет использовать в работе достижения таких наук как политология, имиджелогия, социология, психология и маркетинг. Территориальные границы исследования охватывают такие страны, как Великобритания,

Германия и Франция. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе факторов, влияющих на восприятие имиджа РФ в Европе в указанный период. Можно констатировать, что в 2000-е годы в контексте проблемы восприятия имиджа России в Великобритании, Франции и Германии значимыми понятиями являлись этноцентризм и альтруистическая демократия. Также важно отметить, что в 2000-е годы в европейских странах были представлены не только негативные, но и некоторые позитивные характеристики имиджа России.

Ключевые слова:

имидж, P R, Россия, Европа, ЕС, Великобритания, Германия, Франция, восприятие, продвижение

Введение

В 2000-е годы сложился противоречивый и неоднозначный образ России в Европе. Примером того, что имиджевый потенциал России не был задействован в полной мере, может служить образ, сформировавшийся, в частности, в европейских СМИ.

Негативный образ страны в западной прессе являлся признаком того, что России было необходимо уделять более пристальное внимание имиджевой оптимизации в странах Европы. На это обращали внимание многие политики и эксперты в данной области.

В данном исследовании предпринята попытка составить целостное представление об образе России в Европе на примере того образа страны в Великобритании, Франции и Германии, который сформировался в период с 2000 по 2014 год, т. е. до присоединения Крыма к России, поскольку данное событие имело негативные последствия для имиджа России в европейских странах и после него имидж значительно ухудшился.

Основными целями исследования имиджа в 2000-е годы являются:

- составить целостную картину о восприятии России в Великобритании, Франции и Германии;
- выявить основные характеристики образа России;
- обозначить общие и различные черты имиджа России в Великобритании, Франции и Германии;
- рассмотреть главные факторы, которые оказывали влияние на формирование имиджа России в 2000-е годы.

Поскольку на восприятие России в обозначенный период оказывал воздействие ранее сформировавшийся образ, необходимо обозначить, как Россия воспринималась ранее, поэтому, для составления целостного представления об имидже России необходимо обратиться к тем историческим предпосылкам, которые способствовали формированию такого имиджа России в странах Европы.

Восприятие России подробно рассмотрено Э.Я. Баталовым в работе «Европейские образы России: вчера, сегодня, завтра». Таких образов было несколько и их стоит перечислить. Первый образ заключался в представлении о том, что Россия – это не Европа. Второй – что Россия не только не европейская страна, но даже ещё не завершила до конца переход от варварства к цивилизации. Третий – что Россия хоть и европейская страна,

но это уже другая, какая-то неправильная Европа. Четвёртый – что Россия проявит себя, но в будущем.

Э.Я. Баталов делает акцент на том, что образ России как страны будущего всегда был наименее популярным в Европе и не приобрёл известности в широких кругах. Представление о «свете с Востока» всегда подавлялось представлением об «угрозе с Востока». Это подкреплялось в современном мире опасением европейских стран, что Россия может использовать возможность воздействия на них таким инструментом давления, как «газовая труба».

Важно понимать, какой нашу страну хотели видеть в европейских странах в 2000-е годы. Есть гипотеза, что для Европы была очень желательна Россия с демократической формой правления и капиталистической экономикой. При этом у государства должны были отсутствовать имперские амбиции и сильная армия. По мнению европейских политиков, именно такая Россия не представляла бы опасности для европейских стран [\[1\]](#).

В обозначенный период Россия продолжала оставаться в сознании европейцев чужой и недемократичной. Как справедливо заметил М. Г. Носов, на Западе в этот период господствовал стереотип о России как о стране, пытающейся противодействовать распространению демократии в постсоветских странах [\[2\]](#).

Образ населения России в Европе также был неоднозначен. С одной стороны, он был представлен олигархами и «новыми русскими», которые сорят незаконно нажитыми деньгами, а с другой стороны — пенсионерами и бедными людьми других возрастов.

Кроме того, восприятие населения России сильно зависело от наличия или отсутствия личных контактов с россиянами и весьма варьировалось. Чаще всего, если иностранец общался с россиянами лично, они характеризовались как добрые, гостеприимные и общительные; если нет — как злые и замкнутые. Это во многом объясняется сложившимся образом, который не только не соответствовал, но часто и противоречил реальной действительности.

«Энергетический» имидж России в Европе с 2000 по 2014 год

Также на имидж России в Европе негативно влияли опасения относительно возможностей России использовать энергетические ресурсы в качестве аргумента в спорах и как средство достигать не только экономических целей. Мотивы для достижения политических целей представлялись европейцам серьёзными и имеющими под собой реальные основания. Несмотря на попытки России позиционировать себя как надёжного поставщика ресурсов и энергетическую сверхдержаву, этот имидж не всегда получалось поддерживать (в т. ч. и из-за разногласий с третьими странами).

Поскольку версии о возможном шантаже со стороны России с помощью энергоресурсов постоянно муссировались в европейских СМИ и использовались популистами для достижения своих целей, они стали довольно распространёнными. Даже в некоторых документах ЕС отмечается, что, несмотря на всю важность и перспективность энергетического партнёрства с Россией, нужно всегда иметь ввиду, что эта страна может использовать энергетическую зависимость европейских стран в качестве реального или потенциального инструмента давления [\[3\]](#). Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун заявлял, что необходимо помешать России «накинуть «энергетическую удавку» на Европу» [\[4\]](#).

То обстоятельство, что в ЕС существовали опасения на этот счёт, являлось одним из

факторов субъективного восприятия имиджа РФ. Возможность использования энергетических ресурсов в качестве политического инструмента давно известна. В употреблении энергетических ресурсов как инструмента давления на определённые страны не раз обвиняли Россию в 2000-е годы, особенно в отношении Украины, проецируя аналогичную ситуацию и на европейские страны.

При этом для тесного и взаимовыгодного сотрудничества России и ЕС в области энергетики было немало объективных причин. Это и сложившаяся инфраструктура, и географическое положение, и политическая стабильность (по крайней мере, если сравнивать с поставщиками энергоресурсов из стран Ближнего и Среднего Востока).

События, связанные с проблемами поставок газа через Украину, имели крайне негативные последствия для имиджа России как надёжного поставщика энергоресурсов и способствовали началу политики «равноудаления» поставщиков энергии в Европу, поскольку зависимость от энергоресурсов из России представляла собой проблему для некоторых европейских стран. Этому вопросу посвящена работа «Международный имидж России и её энергетической политики. Ненадёжный поставщик?», в которой рассматривается сложившаяся противоречивая ситуация: с одной стороны, Россия в нулевые годы вкладывала значительные средства в улучшение своего имиджа как энергетической державы, а с другой, конфликты, которые возникали в связи с перебоями поставок газа через Украину, привели к резкому ухудшению этого имиджа.

Руководство России осознавало проблему сложившегося «энергетического» имиджа нашей страны, поэтому была проведена PR-кампания по созданию имиджа энергетической сверхдержавы, которая была замечена европейскими исследователями и отмечена в зарубежной научной литературе. В ежедневно обновляемой базе данных Scopus были выбраны и проанализированы наиболее значимые исследования, касающиеся восприятия образа России и проведённые в обозначенный временной период.

Для тесного энергетического сотрудничества России и ЕС были все необходимые предпосылки: исторический опыт, наличие достаточного количества энергоресурсов, удобное географическое положение и, что является наиболее значимым, взаимная заинтересованность: наличие предложения с российской стороны и спроса – со стороны Евросоюза.

Именно политические причины, а также сложившийся негативный имидж и распространённые стереотипы препятствовали восприятию нашей страны как надёжного и равноправного партнёра в энергетической сфере. Кроме обвинений России в энергетическом засилье и шантаже рассматривались контрмеры, которые были направлены на ограничение доступа на рынки наукоёмких товаров [\[5\]](#), поскольку в этот период имело огромное значение сотрудничество России и Европы по ряду других вопросов.

Однако забывался тот факт, что взаимодействие России с европейскими государствами в сфере энергетики имеет долгую историю.

Почти полвека Россия являлась главным производителем и поставщиком природного газа в европейские страны и имела все шансы сохранить это положение. Учитывая, что в России находится около 23,7% общемировых ресурсов природного газа, в 2000-е годы было очевидно, что такой запас ресурсов позволит ещё длительное время обеспечивать европейские страны «голубым топливом» [\[6\]](#).

«Статусные конфликты» России и Европы

Важным в этот период времени было стремление России утвердить свой статус на международной арене, который значительно пошатнулся после развала СССР. Многие действия были направлены именно на завоевание статуса, что привело к статусным конфликтам [7].

Так, В. Феклюнина из университета Глазго в работе «Битва за восприятие: проектирование России на Западе» [8] приводит анализ имиджа России, который руководство страны пыталось создавать в западных странах. Данный автор отмечает, что внешняя политика России воспринималась как неоимперская ещё в самом начале 2000-х годов. Этот факт значительно затруднял работу по улучшению имиджа России в Европе. Также имиджевая кампания осложнялась отсутствием в стране значимых для европейской аудитории изменений.

В европейских странах подвергались критике выборы в России. Отмечалось, что Конституция РФ была принята при довольно спорных обстоятельствах, поэтому она содержит только общие положения о выборах и постоянно дополняется новыми законами, список которых становятся все длиннее. При этом в Европе признавали высокую явку на выборы в 2000-е годы и высокий уровень вовлеченности населения в политическую жизнь страны.

Важно отметить, что, поскольку имидж, несмотря на его подверженность влиянию различных факторов, в т. ч. стереотипов и прочих механизмов восприятия, отражает реальные черты объекта, на формирование образа России в европейских странах оказывали влияние и объективные характеристики нашего государства.

До 2014 года российское руководство делало ставку на формирование имиджа максимально открытой и готовой к сотрудничеству страны. Также повышение статуса осуществлялось за счёт организации в России событий мирового масштаба и вступления страны в международные организации. Несмотря на то, что этот процесс начался ещё в 1990-е годы (к примеру, Россия вошла в состав «Большой восьмёрки» (G8) в 1997 году), тенденция продолжалась до 2014 года (в 2011 году Россия присоединилась к Всемирной торговой организации – в т. ч. и ради улучшения своего имиджа).

Для данного исследования приоритетным является имидж России, сложившийся в ведущих европейских государствах: Франции, Германии и Великобритании.

Имидж России во Франции в 2000-е годы

В 2000-е годы российско-французские взаимоотношения сохраняли роль одного из значимых компонентов не только европейской, но и мировой политики [9]. Здесь важно отметить, что более двух веков российская дипломатия искусно использовала противоречия между Германией и Францией, которые проявлялись и в обозначенный период, особенно усугубившись с наступлением экономического кризиса. Последующее улучшение отношений между Парижем и Берлином давало возможность России подключиться к этому тандему в качестве гаранта безопасности на европейском континенте.

В начале XXI века во Франции сложился образ России, который совмещал в себе многие устоявшиеся стереотипы. Это находило отражение и во французских СМИ. Ю. И. Рубинский писал о том, что «не прекращаются нападки на политику Москвы на постсоветском пространстве. Симпатии французских СМИ оказались целиком на стороне

"революции роз" в Грузии и "оранжевой революции" на Украине» ^[10]. Данный автор отдельно отмечал, что основные претензии к России заключались в продолжении имперской политики и стремлении оказывать влияние на европейские страны с помощью энергетических ресурсов.

Что касается французских изданий, задававших тон в восприятии России, то в качестве основных можно выделить ежедневную вечернюю газету леволиберальных взглядов *Le Monde*, *Le Figaro*, которая отражает взгляды французских властей и является умеренно правой, а также *Libération*. Именно эти печатные СМИ оказывали наибольшее влияние на освещение событий, связанных с Россией, а также создание, трансляцию и восприятие её имиджа. Кроме того, стоит отметить сатирический журнал *Charlie Hebdo*, выходивший тиражом 150 000 экземпляров, карикатуры из которого расходятся по всему миру через интернет. Многие из них в 2000-х изображали в негативном свете российского лидера и политическую и экономическую ситуацию в России.

В качестве примера тональности публикаций о России может быть рассмотрено освещение войны в Чечне французскими СМИ. Одобрение или поддержку данная военная операция не встречала. Негативные оценки данная война получила в 88% материалов, а нейтральные – в 12% ^[11]. Изучив статьи данных изданий, можно утверждать, что подобная статистика распространялась и на действия нашей страны в других военных и политических конфликтах.

Причины такого восприятия отчасти можно объяснить множеством стереотипов, существующих во Франции и имеющих исторические корни (нельзя не отметить, что в этот период французы считали внешнюю политику России неоимперской), отчасти – различиями в менталитете.

Большинство исследователей, изучавших имидж России во Франции, разделяют мнение о преимущественно негативном имидже нашей страны во Франции в 2000-е годы и отмечают, что основные претензии французов сводятся к распространившейся коррупции (они называют её «бедой, разлагающей страну», т. к. она присутствует на всех уровнях властных структур) и отсутствию развитой демократии, свободы собраний и честных выборов; а также – неразвитости гражданского общества.

Имидж России в Великобритании в 2000-е годы

В Великобритании в 2000-е годы также преобладал негативный образ России. И предъявляемые претензии к нашей стране в значительной степени были схожи с претензиями французов: наибольший негатив относился к политической сфере и к лидеру страны. В Британии сложился исторический стереотип, заключающийся в том, что Россия – страна политического деспотизма, а её население имеет склонность к несвободе и покорности. Вся российская властная структура представлялась британцам чем-то вроде феодальной системы иерархии, включающей в себя царя, наследников престола, священников и феодалов. В этой системе «царь» обладал абсолютной властью и являлся «помазанником Божьим». Кроме того, в британской медиасфере (в изданиях *The Economist*, *The Independent*, *The Week* и *New Statesman*) Россия ассоциировалась с жестокостью и коррумпированностью.

Образ России в Великобритании также во многом формировался под влиянием сложившихся стереотипов. Примером может служить тот факт, что довольно часто Россия в британской прессе была представлена в образе агрессивного медведя, бесцеремонно нарушающего границы соседних суверенных государств.

Имидж России в Германии в 2000-е годы

Далее необходимо рассмотреть, какой образ России сложился в Германии, т. к. именно это государство – наш ключевой и приоритетный партнёр в Европе. Наличие интереса к нашей стране в 2000-е годы подтверждает тот факт, что количество публикаций в немецкой прессе о России постоянно увеличивалось, а внешняя и внутренняя политика России регулярно освещалась в СМИ Германии.

Издания Der Spiegel и Stern акцентировали внимание на политических и экономических проблемах России, подбирая, в основном, негативные факты и используя сложившиеся стереотипы о нашей стране, а также слова, имеющие яркую эмоциональную окраску.

Die Zeit и Focus примерно треть публикаций делали лексически нейтральными. Данные издания больше ориентировались на социальные и культурные вопросы, касающиеся России; в них часто встречалось более художественная и эмоциональная подача описываемых событий, также в них часто публиковались интервью, что частично снимает оценочную нагрузку с редакторской политики этих журналов. Издание Focus в эмоциональной окраске публикаций о России оставался более нейтральным, чем конкуренты.

Заключение

Также можно констатировать, что в 2000-е годы в контексте проблемы восприятия имиджа России в Великобритании, Франции и Германии значимыми понятиями являлись этноцентризм и альтруистическая демократия. Под первым понятием имеется в виду, что на подачу новости влияет восприятие окружающего мира журналистом глазами соотечественников и через призму своей культуры. Под вторым понятием в этой работе подразумевается, что значительное число журналистов в указанный период в Европе придерживалось мнения, что основная цель политики – служить интересам общества. Два данных фактора оказали значительное влияние на освещение России в европейских СМИ.

Подводя итог, можно констатировать, что в 2000-е годы в европейских странах были представлены не только негативные, но и некоторые позитивные характеристики имиджа России.

Негативному восприятию имиджа России в Европе чаще всего способствовали следующие факторы:

- неоимперская, по мнению западных СМИ, внешняя политика России;
- коррупция внутри страны;
- укоренившиеся в европейском сознании стереотипы о России;
- внутренняя политика;
- избрание Д. А. Медведева президентом (данное событие было воспринято как попытка В. В. Путина удержать власть и оказало негативное воздействие на восприятие внутривнутриполитической ситуации в России);
- высокий уровень классового расслоения;
- экономическая ситуация в стране;
- опасения, что Россия может достигать политических целей с помощью природных

ресурсов;

– несвобода российских СМИ.

Чаще всего в Европе положительно реагировали на такие направления деятельности нашей страны, как:

– культура и искусство;

– открытость и готовность к диалогу с европейскими странами;

– возросшее влияние России на международной арене.

Такое восприятие России в 2000-е годы можно объяснить одновременным влиянием множества противоречивых факторов, а также тем, что создание и корректировка существующего имиджа России – это динамичный процесс, на который одновременно оказывает воздействие комплекс политических, исторических, природно-географических, культурных и прочих факторов [\[12\]](#).

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что, несмотря на кампании по корректировке имиджа России и присутствие положительных черт, имидж нашей страны в 2000-е годы в Европе преимущественно был негативным и, следовательно, отрицательно влиял на международные отношения России с европейскими странами.

Библиография

1. Баталов Э.Я. Европейские образы России: вчера, сегодня, завтра. Россия в Европе. Под ред. В.В. Журкина (отв. ред.) и др. М., Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2007. С. 48–69.
2. Носов М. Г. Россия и Запад: стереотипы и реальность. Россия в Европе. Под ред. В.В. Журкина (отв. ред.) и др. М., Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2007. С. 7–13.
3. Хайтун А. Д. Россия – Евросоюз: энергетическая безопасность. Современная Европа. 2013. № 4 (56). С. 129–139.
4. Brown G. This is how we will stand up to Russia's naked aggression. The Observer. 31.08.2008.
5. Шмелёв Н. П., Фёдоров В. П. Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. Современная Европа. 2011. № 2 (46). С. 5–25.
6. Хайтун А. Д. Новые реалии европейского газового рынка. Современная Европа. 2016. № 1 (67). С. 95–106.
7. Forsberg T. Status conflicts between Russia and the West: Perceptions and emotional biases. Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. №3–4. P. 323–331.
8. Feklyunina V. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West. Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60, Issue 4. P. 605–629.
9. Рубинский Ю.И., Максимычев И.Ф. Россия и франко-германский тандем: история, проблемы, перспективы. М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2009.
10. Рубинский Ю.И. Образ России в Европе: опыт Франции. Россия в Европе. Под ред. В.В. Журкина (отв. ред.) и др. М., Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2007. С. 107–127.
11. Вакалова А. Ю. Чеченская война во французских СМИ. Ее влияние на имидж России во Франции. Дневник Алтайской школы политических исследований. 2010. № 26. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 65–68.
12. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика

представлений в контексте мирового развития (к постановке проблемы). Полис. Политические исследования. 2006. № 6. С. 110–124.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является имидж России в представлении европейцев в период с 2000-го по 2014-й год. Выбор данного периода понятен: в 2000-м году президентом России становится В.В. Путин, и прежний внешнеполитический курс страны подвергается всё большей корректировке; в 2014-м году происходит знаковое событие, существенным образом повлиявшее на восприятие России в мире – присоединение Крыма. Учитывая крайне сложные и напряжённые отношения России с западными странами, актуальность выбранной темы трудно переоценить. К сожалению, автор не дал себе труда должным образом отразить теоретико-методологическую базу собственного исследования, что несколько снизило научную ценность рецензируемой работы. Однако из контекста можно понять, что помимо традиционных общенаучных аналитических методов, применялись исторический и событийный методы, case study (в качестве кейсов для изучения были выбраны Франция, Великобритания и Германия), а также элементы дискурс- и контент-анализа официальных документов и деклараций и массива публикаций некоторых западных СМИ. Несмотря на то, что выбранная тема достаточно хорошо исследована, вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, научный интерес представляет вывод автора о крайне противоречивом характере той совокупности факторов, которые оказывали влияние на формирование имиджа России в глазах европейцев. Небесполезен так же более глубокий анализ энергетического и «статусного» факторов, оказавших влияние на результат указанного выше процесса. Структура рецензируемой работы также не вызывает серьёзных нареканий: она достаточно логична и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается её актуальность, формулируются цель и задачи исследования; - «"Энергетический" имидж России в Европе с 2000 по 2014 год», где изучено влияние энергетического фактора на формирование имиджа России в Европе; - «"Статусные конфликты" России и Европы», где раскрыто влияние на формирование имиджа стремление России усилить утраченный после распада СССР статус в Европе; - «Имидж России во Франции в 2000-е годы», «Имидж России в Великобритании в 2000-е годы» и «Имидж России в Германии в 2000-е годы», где анализируется процесс формирования имиджа России во Франции, Великобритании и Германии, соответственно; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования и формулируются выводы. С точки зрения стиля рецензируемую работу можно квалифицировать в качестве научного исследования. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, само название статьи с точки зрения стиля представляется не очень удачным: «Видение [почему не «восприятие», например? – рец.] имиджа России европейцами [три родительных падежа подряд – рец.] с 2000 по 2014 год»; как представляется, заголовок «Имидж России в восприятии [или «глазами»] европейцев (2000–2014 гг.)» был бы лучше с точки зрения научного стиля; или перегруженные предложения, например: «В данном исследовании предпринята попытка составить целостное представление об образе России в Европе на примере ТОГО ОБРАЗА СТРАН»

[выделенные слова избыточны – рец.] в Великобритании, Франции и Германии...»; и др.) и грамматических (например, пропущенная запятая в сложносочинённом предложении перед союзом «и»: «...данное событие имело негативные последствия для имиджа России в европейских странах и после него имидж значительно ухудшился»; другой пример пропущенной запятой перед союзом «и»: «Таких образов было несколько и их стоит перечислить»; или отсутствующая запятая после оборота «кроме» в предложении «Кроме обвинений России в энергетическом засилье и шантаже рассматривались контрмеры...»; или наоборот, лишняя запятая в предложении «...Необходимо обозначить, как Россия воспринималась ранее, поэтому, для составления целостного представления об имидже России необходимо...»; и др.) погрешности, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе исключений, например, неоднократное обозначение временного периода с 2000-го по 2014-й год в качестве «2000-х годов», что не совсем верно. Библиографический список насчитывает 12 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении специфики формирования имиджа России в исследуемый период.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Англоязычные метаданные

The military intervention in Iraq (The Fake Call for Democracy)

El'zeni Nedal Khafez Zakariya Khafez

PhD in Politics

Postgraduate student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky University

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 37

✉ nedalzakariya@gmail.com

Abstract. This article offers a comprehensive analysis of the 21st-century military intervention in Iraq, with a specific focus on the supposed «call for democracy», a premise that has been a subject of intense debate and skepticism. By examining the «Fake Call for Democracy» hypothesis, the author investigates whether the pursuit of democratic governance was the genuine goal of the invasion or a facade for other strategic interests. The analysis encompasses the historical context preceding the invasion, the chronology of key events during the conflict, and the immediate and enduring consequences of the attack on Iraq's political, social, and economic structures. It provides a nuanced understanding of the motivations behind international interventions, particularly when couched in the rhetoric of democracy promotion or human rights.

The military intervention in Iraq stands as one of the most significant and contentious episodes of the early 21st century. From a lens of historical reflection, the «call for democracy» that justified the invasion is shrouded in controversy, debate, and criticism. The aftermath of the invasion has resulted in a precarious, deeply flawed democracy, defined by sectarian violence, economic instability, and political corruption, rather than the envisioned stable and prosperous democratic nation.

Keywords: military intervention, political corruption, economic instability, post-invasion consequences, geopolitical strategies, human rights, democracy promotion, international interventions, fake democracy, intervention in Iraq

References (transliterated)

1. Strategiya natsional'noi bezopasnosti. Sentyabr' 2002 g. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>
2. Chetyrehletnii otchet ob obzore oborony. Sentyabr' 2001 g. URL: <https://www.comw.org/qdr/qdr2001.pdf>.
3. Aburish S.K. (1999). Saddam Khusein: politika mesti. Izdatel'stvo Blumsberi, -416c.
4. Khomskii N. (2004). Gegemoniya ili vyzhivanie: stremlenie Ameriki k global'nomu gospodstvu. Stolichnye knigi, -320c.
5. Krouford, Severnaya Karolina. (2013). Otvetstvennost' za ubiistvo: moral'naya otvetstvennost' za sopushtvuyushchii ushcherb v voynakh Ameriki posle 11 sentyabrya. Izdatel'stvo Oksfordskogo universiteta, -486c.
6. Daimond L. (2005). Utrachennaya pobeda: amerikanskaya okkupatsiya i neudachnye popytki ustanovit' demokratiyu v Irake. Knigi Taims, -411c.
7. Dodzh T. (2012). Irak: ot voyny k novomu avtoritarizmu. Rutledzh, -220c.
8. Dudaity A.K. (2016). voina v Irake 2003. g i pozitsiya vedushchikh gosudarstvo-chlenov

- ES. Cherez vremya: Istoriya. Politologiya, 1(122), 56-60s.
9. Daison, S.B. (2009). "Vsyakoe byvaet": Donal'd Ramsfeld i vaina v Irake. Analiz vneshnei politiki. Izdatel'stvo Oksfordskogo universiteta, 5(4), 327-347.
 10. Mirshaimer Dzh. Dzh. (2011). Pochemu lidery lgut: pravda o lzhi v mezhdunarodnoi politike. Izdatel'stvo Oksfordmkgou universiteta, -132c.
 11. Stiglits Dzh. i Bilms L. (2008). Voina za tri trilliony dollarov: istinnayatsena konflikta v Irake. w.w. Norton i kompaniya, -336.
 12. Kerroll D. Dzhoselin K. (2023). Oglyadyvayas' nazadna to, kak strakh i lozhnye ubezhdeniya ukrepili obshchestvennyuyu podderzhku SShA voyny v Irakeb 14 marta 2023 g. Dostupno po ssylke:
[https://www.pewresearch.org/politics/2023/03/14/oglyadyvayas' na to, kak-strakh-i-lozhnye-ubezhdeniya-podkreplyali-obshchestvennyuyu-podderzhku-SShA-voyny-v-Irake/](https://www.pewresearch.org/politics/2023/03/14/oglyadyvayas-na-to-kak-strakh-i-lozhnye-ubezhdeniya-podkreplyali-obshchestvennyuyu-podderzhku-SShA-voyny-v-Irake/)
 13. Global'naya voina s terrorizmom. Global'naya voina s terrorizmom - eto mezhdunarodnaya voennaya kampaniya pod rukovodstvom SShA, nachataya posle terroristicheskikh atak 11 sentyabrya 2001 goda. URL:
<https://www.georgewbushlibrary.gov/research/topic-guides/global-war-terror>
 14. Kratkii analiz strany Iraka. URL-adres Upravleniya energeticheskoi informatsii SShA:
<https://www.eia.gov/international/overview/country/IRQ>.
 15. Irak, 2003 g. Upravlenie Verkhovnogo komissara OON po pravam cheloveka. Rezhim dostupa: <https://www.ohchr.org/ur/about-us/memorial/iraq-2003>.
 16. Irak. Rekanstruktsiya i investitsii. Polucheno v 2018 g. URL:
<https://documents1.worldbank.org/curated/en/600181520000498420/pdf/123631-REVISED-Iraq-Reconstruction-and-Investment-Part-2-Damage-and-Needs-Assessment-of-Affected-Governorates.pdf>
 17. Voina v Irake: predystoriya i obzor problem URL:
<https://www.everycrsreport.com/reports/RL31715.html>
 18. Reitingi ob energetike v mire. Upravlenie energeticheskoi informatsii SShA URL:
<https://www.eia.gov/international/data/world>
 19. Tirpak, Dzh.A. Spetsial'noe izdanie Aerospace World: Desert Triumph. Provereno 10 aprelya 2023 g., URL: [HTTPS://www.airandspaceforces.com/article/0503triumph/](https://www.airandspaceforces.com/article/0503triumph/)
 20. Voiea v Irake. Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/war-in-iraq-1>

Digitalization in the Middle East: a Threat to the Regional Security or a Way to maintain it?

Ilina Elizaveta Vladimirovna

Student, Global Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

119454, Russia, Moscow, Moscow, 76 Vernadsky Ave., bldg. B

✉ ilinaelizaveta2002@gmail.com

Chipizubova Polina Andreevna

student, Global Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

119454, Russia, the city of Moscow, Moscow, Vernadsky str., 76, bldg. B

✉ chip-polina2002@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the main threats and advantages brought by digitalization in the Middle East nowadays. The research problem of the article is "which influence of digitalization – positive or destructive – prevails in the Middle East and what prospects await this region in the digital sphere. The interests of key regional players in the cybersphere (Saudi Arabia, the UAE, Turkey, Iran, etc., as well as anti-systemic non-state actors), as well as regional and national initiatives in this industry, including "Peninsula Shield", "Vision 2030" and others, are analyzed. The scientific novelty of the study lies in a non-classical approach to security problems in the Middle East, namely through the prism of the digital sphere, taking into account its complexity and the multiplicity of its actors. The theoretical basis of the research is based on a neoliberal approach to world politics, in particular, on the concept of complex interdependence, since the authors rely on the postulate that the world policy sphere is inextricably linked with others, and also consists of a multitude of heterogeneous actors and connections between them. From the point of view of studying regional integration in the Middle East, the dominant approach is neofunctionalism, developed by E. Haas, in particular, the theory of "spillover". The research methods used are description, study of official documents and statistical data, situational analysis, comparative analysis, which made it possible to assess the key threats and prospects for regional security and their correlation. The authors conclude that the key threat to the region is the disunity of the main actors' interests and the associated possibility of political contradictions' aggravation. Nevertheless, digitalization provides the Middle East with such advantages as deepening regional integration and inclusion in international cooperation, the growth of soft power and the potential for economic diversification.

Keywords: Peninsula Shield, regional integration, antisystem actors, cybersecurity, Middle East, Digitalization, Gulf Cooperation Council, soft power, Iran, Saudi Arabia

References (transliterated)

1. Kon'kov A.E. Novye informatsionnye tekhnologii i mezhdunarodnye otnosheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 3. Vyp. 1. S. 47-68.
2. Semantic Scholar. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Digital-Strategy-and-Digital-Transformation-Gobble/0f9d211b9ebab742b348a8800d04ab44b57353dd> (data obrashcheniya: 10.03.2022).
3. disserCat. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.dissercat.com/content/tsifrovizatsiya-i-bolshie-dannye-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-teoreticheskie-metodologich> (data obrashcheniya: 10.03.2022).
4. Plotnikov V.A. Tsifrovizatsiya proizvodstva: teoreticheskaya sushchnost' i perspektivy razvitiya v rossiiskoi ekonomike // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2018. № 4 (112). S. 16-24.
5. Samye tsifrovye strany mira: reiting 2020 goda // Harvard Business Review. 2020.

- [Elektronnyi resurs]. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688/> (data obrashcheniya: 11.03.2022).
6. Global Cybersecurity Index 2020 // ITU Publications. 2022. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.itu.int/epublications/publication/D-STR-GCI.01-2021-HTML-E/> (data obrashcheniya: 11.03.2022).
 7. Vsyat statistika interneta na 2019 god – v mire i v Rossii // WebCanape. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (data obrashcheniya: 11.03.2022).
 8. Valiakhmetova G.N. Islamskii mir v usloviyakh tsifrovyykh ugroz KhKhI veka // MINBAR. Islamic studies. 2019. T. 12. № 1. S. 95-110.
 9. How Prepared is Saudi Arabia for a Cyber War? // Institute for National Security Studies. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.inss.org.il/publication/how-prepared-is-saudi-arabia-for-a-cyber-war/> (data obrashcheniya: 11.03.2022).
 10. National cyber security index. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ncsi.ega.ee/compare/> (data obrashcheniya: 11.03.2022).
 11. Tsukanov L.V. Sistema natsional'noi kiberbezopasnosti Saudovskoi Aravii: spetsifika i riski razvitiya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2021. T. 6. № 4. S. 435-443.
 12. Tsukanov L.V. Iemenskaya kiberarmiya: raund vtoroi? // Rossiiskii Sovet po mezhdunarodnym delam. 16.11.2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/yemenskaya-kiberarmiya-raund-vtoroy/> (data obrashcheniya: 12.03.2022).
 13. Tsukanov L.V. Tsifrovye khimery Persidskogo zaliva: kto zaimet mesto Irana? // Rossiiskii Sovet po mezhdunarodnym delam. 22.02.2022. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://clck.ru/eJdYR> (data obrashcheniya: 12.03.2022).
 14. Kiberbezopasnost' po-izrail'ski // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: https://nvo.ng.ru/armament/2019-09-27/1_1063_israel.html (data obrashcheniya: 12.03.2022).
 15. Tsukanov L.V. Sotrudnichestvo Izrailiya i Katara v sfere kiberbezopasnosti // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2021. T. 10. № 5A. S. 28-36.
 16. Turetskaya kiberarmiya: era elektronnykh yanycharov // PIR-Tsentr. 2020. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pircenter.org/blog/view/id/426> (data obrashcheniya: 12.03.2022).
 17. Kutukova E.A. Informatsionnaya politika Arabskoi Respubliki Egipet // Vek informatsii. 2018. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://clck.ru/eJMPH> (data obrashcheniya: 14.03.2022).
 18. Kil'chenko V.S. Politika Islamskoi Respubliki Iran v sfere informatsionnoi bezopasnosti // Sbornik XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov, soiskatelei. Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet imeni N.G. Chernyshevskogo. 2020. S. 91-93.
 19. Khetagurov A.A. Kibermoshch' Irana. Kiberstrazhi Islamskoi Revolyutsii // Rossiiskii Sovet po mezhdunarodnym delam. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/cyberiran#rec93669097> (data obrashcheniya: 14.03.2022).
 20. Tsukanov L.V. Sily bezopasnosti SSAGPZ: tsifrovoe izmerenie // Rossiiskii Sovet po mezhdunarodnym delam. 28.07.2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/sily-bezopasnosti-ssagpz-tsifrovoe-izmerenie/> (data obrashcheniya: 17.03.2022).
 21. Tsukanov L.V. Strany SSAGPZ i Izrail': da budet «tsifrovaya solidarnost'»? // Rossiiskii

- Sovet po mezhdunarodnym delam. 30.09.2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strany-ssagpz-i-izrail-da-budet-tsifrovaya-solidarnost/> (data obrashcheniya: 17.03.2022).
22. King Hamad launches EduWave for Future Schools // ITG Group. 2005. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.itgsolutions.com/king-hamad-launches-eduwave-for-future-schools/> (data obrashcheniya: 17.03.2022).
 23. Oman plays it safe on Israel // Middle East Institute. 2020. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.mei.edu/publications/oman-plays-it-safe-israel> (data obrashcheniya: 17.03.2022).
 24. Oman Arab Bank ispol'zuet tekhnologii NNTC i Smart Engines dlya distantsionnogo otkrytiya schetov // CNews. 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-10_oman_arab_bank_ispolzuet_tekhnologii (data obrashcheniya: 17.03.2022).
 25. Vision 2030. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/> (data obrashcheniya: 18.03.2022).
 26. Rogozhin A.A. IKT kak napravlenie diversifikatsii ekonomiki Saudovskoi Aravii // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2021. T. 14. № 4. S. 122-141.
 27. The UNCTAD B2C E-Commerce Index 2020: Spotlight on Latin America and the Caribbean // United Nations Conference on Trade and Development. 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tn_unctad_ict4d17_en.pdf (data obrashcheniya: 18.03.2022).
 28. Korovkin V.V. Natsional'nye programmy tsifrovoy ekonomiki stran Blizhnego Vostoka // ARS ADMINISTRANDI. Iskustvo upravleniya. 2019. T. 11. № 1. S. 151-175.
 29. Digital 2021: Global Overview Report // DataReportal. 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (data obrashcheniya: 18.03.2022).
 30. Tsifrovaya diplomatiya Ob"edinennykh Arabskikh Emiratov // Tsentri strategicheskikh otsenok i prognozov. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/445/czifrovaya-diplomatiya-obedinennykh-arabskikh-emirats-9048> (data obrashcheniya: 19.03.2022).
 31. Vlasti Dubaya otkazalis' ot bumazhnogo deloproizvodstva // TASS. 12.12.2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13177849> (data obrashcheniya: 19.03.2022).
 32. Pravitel'stvo Dubaya stalo polnost'yu bezbumazhnym // Russkie Emiraty. 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/pravitel-stvo-dubaya-stalo-polnost-yu-bezbumazhnym/> (data obrashcheniya: 19.03.2022).
 33. Prem'er-ministr OAE stal samym tsitiruemym politikom v seti Twitter // Russkie Emiraty. 2017. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/prem-er-ministr-oae-stal-samym-tsitiruyemym-politikom-v-seti-twitter/> (data obrashcheniya: 19.03.2022).
 34. Nation Brands 2021. The annual report on the most valuable and strongest nation brands // Brand Finance. 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://brandirectory.com/download-report/brand-finance-nation-brands-2021-preview.pdf> (data obrashcheniya: 19.03.2022).

Analysis of Military Metaverses: the Case of the USA, India

and China

Vinogradova Ekaterina Alekseevna

PhD in Politics

141207, Russia, Pushkino, 3rd nekrasoskyproezd, 3, sq. 21

✉ kata-vinogradova@mail.ru

Abstract. The era of digital revolution and introduction of artificial intelligence in political, economic, military and social spheres have created conditions for emergence of a new form of informational and communicative interaction in society, the so called metaverse. The theory of parallel virtual worlds, described by science fiction writers in the 20th century, has been put into practice by major technological giants in the 21st century. From 2019 to 2022, global technology corporations have begun to develop industry-specific metaverses aimed at further digitalising economic, political, military and social spheres of life. Military rivalries and the rapid arms race, which have spawned new global conflicts, have contributed to emergence of the military metaverses and new types of weapons rooting from the use of artificial intelligence and advanced VR-technologies. This article presents an analysis of military metaverses, new types of weapons made with the use of artificial intelligence technologies.

Keywords: network society, intelligence, digitalization, artificial intelligence, cognitive warfare, metaverse, India, US, virtualization, China

References (transliterated)

1. Pashentsev E.N. Zlonamerennoe ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta: novye ugrozy dlya mezhdunarodnoi informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti i puti ikh neutralizatsii // Gosudarstvennoe upravlenie elektronnyi vestnik. 2019. № 76. ss. 279-300. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10013 Pashentsev E.N. Malicious Use of Artificial Intelligence: New Threats to International Psychological Security and Ways to Neutralize Them. Moscow: Gosudarstvennoye upravleniye elektronnyy vestnik. 2019. № 76. pp. 279-300.
2. Bajwa S. Metaverse: Next Social Disruption and Security Challenge // ISSUE BRIEF. March 2022. pp. 1-9.
3. Baughman J. Enter the Battleverse: China's Metaverse War. China Aerospace Studies Institute // Military Cyber Affairs, Vol. 5, Iss. 1, Article 2. May 2, 2022. Available at: <https://www.airuniversity.af.edu/CASI/Display/Article/3052203/enter-the-battleverse-chinas-metaverse-war/> (accessed 21.08.2022).
4. Bazin A. The Metaverse: A New Domain of Warfare? // Small Wars Journal. April 2022. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/metaverse-new-domain-warfare> (accessed 11.08.2022).
5. Cheung Man-Chung. In China, virtual influencers are taking on media roles traditionally held by humans. // Insider intelligence. Mar 24, 2021. Available at: <https://www.insiderintelligence.com/content/china-virtual-influencers-taking-on-media-roles-traditionally-held-by-humans> (accessed 9.08.2022).
6. China's Debut in the Metaverse: Trends to Watch. // China Briefing. November 2022. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/metaverse-in-china-trends/> (accessed 15.08.2022).

7. Dhapola S. The Made in India 'Holosuit' that wants to carve its own niche in the «Metaverse» // The Indian Express. November 17, 2021. Available at: <https://indianexpress.com/article/technology/tech-news-technology/the-made-in-india-holosuit-that-wants-to-carve-its-own-niche-in-the-metaverse-7627148/> (accessed 13.08.2022).
8. Eversden A. Into the military metaverse: An empty buzzword or a virtual resource for the Pentagon? // Breaking Defense. April 12, 2022. Available at: <https://breakingdefense.com/2022/04/into-the-military-metaverse-an-empty-buzzword-or-a-virtual-resource-for-the-pentagon/> (accessed 13.09.2022).
9. Fawkes A. Has the Military Been Building the Metaverse? // Halldale. November 24, 2020. Available at: <https://www.halldale.com/articles/17827-has-the-military-been-building-the-metaverse> (accessed 15.09.2022).
10. Huff S. U.S. military is designing its own Metaverse. // Metaverse Post. May 18, 2022. Available at: <https://mpost.io/u-s-military-is-designing-its-own-metaverse/> (accessed 15.09.2022).
11. Knight W. The US Military Is Building Its Own Metaverse. // Wired. May 17, 2022. Available at: <https://www.wired.com/story/military-metaverse/> (accessed 25.09.2022).
12. Lamba B. Weekend Special: The Potential of a Military Metaverse // Wors Press. 2022. Available at: https://www.academia.edu/73530795/Weekend_Special_The_Potential_of_a_Military_Metaverse (accessed 7.09.2022).
13. Siddaraddi A. AI-powered Metaverse training for Indian Army Troops. // Defence Direct Education. May 27, 2022. Available at: <https://defencedirecteducation.com/2022/05/27/ai-powered-metaverse-training-for-indian-army-troops/> (accessed 11.10.2022).
14. Synthetic Training Environment. Available at: <https://armyfuturescommand.com/stc/> (accessed 11.10.2022).
15. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy // The White House. October 12, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (accessed 11.10.2022).
16. Vanorio F. Metaverse: Implications for Security and Intelligence. February, 2022 // NATO Defense College Foundation. Paper. Available at: <https://www.natofoundation.org/wp-content/uploads/2022/02/NDCF-Paper-Vanorio-110222.pdf> (accessed 18.10.2022).
17. Yamamoto G. T., Altun D. Virtual reality (vr) technology in the future of military training . The 6th Istanbul, Security Conference. Istanbul, November 5, 2020. pp. 79-93.
18. Yujun H. Comparative Study: How Metaverse Connect with China Laws // SSRN, October 20, 2021. pp. 1-17. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3955900 (accessed 22.10.2022).
19. 现代国际关系研究院:元宇宙与国家安全-碳链价值 // ccvalue.cn
20. 王冰:元宇宙将如何影响国际关系?_言论_国际网 // cfisnet.com
21. 中国要将元宇宙军事化?解放军报"从和平到战争"构想见端倪 // voachinese.com
22. 李铮:元宇宙或对国际关系产生广泛影响 // yuanyuzhoujie.com
23. 元宇宙愿景背后的政府与企业视点-瞭望周刊社 // news.cn

The role of Silicon Valley in modern geopolitical processes. Challenges for post-Soviet States

Demetradze Marine Rezoevna

Doctor of Politics

leading scientific researcher, Institute for the Cultural Heritage of the Ministry of Culture; Professor, the department of World Politics and International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

117292, Russia, Moscow, Kosmonavtov str., 2

✉ demetradze1959@mail.ru

Shorokhova Svetlana Petrovna

PhD in Philosophy

Shorokhova Svetlana Petrovna, PhD, Associate Professor, Head of the Faculty of International Relations, Institute of World Civilizations

117292, Russia, Moscow, Nakhimovsky Prospekt str., 48, office 96

✉ demetradze1959@mail.ru

Abstract. The present work is devoted to the topical topic of the role of technoparks in the modern globalization processes of the world and national economy. This is far from an accidental fact, since the specific structure of the modern world order poses special challenges to the societies of the post-Soviet space. The prospects for their development and equal participation in modernization processes depend on their ability to meet new requirements. In this regard, its driving mechanisms, affecting almost all states and societies, require deep rethinking and careful analysis. The paper pays special attention to the phenomenon of "silicon valleys", the role of science in the USA and the countries of Southeast Asia, and makes a comparative analysis of their specific features. Based on the data obtained, the degree of lag of post-Soviet societies will be determined, measures to overcome it are proposed, first of all, by reforming the educational system and science, which automatically put the human factor and intellectual capital in the first place. The work uses an interdisciplinary approach of socio-humanitarian disciplines, in particular, socio-cultural anthropology, semantics, structural, comparative analysis, on the basis of which the problems of post-Soviet societies are identified, modern modernization and globalization processes are analyzed. The work is aimed at a wide range of readers interested in the phenomenon of "silicon valleys", as well as scientists in the fields of politics, law, sociology, economics, cultural anthropology.

Keywords: scientific and technological progress, political culture, post-Soviet space, intellectual capital, the human factor, technopark, modernization, globalization, the transnational world, silicon valley

References (transliterated)

1. Abkhidzhit Banerdzhi Ester Dyuflo i Maikl Kremer for thea eqspe rimental approach to alleviating global poverty (za eksperimental'nyi podkhod k iskoreneniyu global'noi bednosti. Rabota nobelevskoi premii po ekonomike. 2020.
2. Bell Daniel. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. M.: Academia, 2004. S. 783.
3. Grivanov R. Yu. Spetsial'nye ekonomicheskie zony v sisteme mezhdunarodnykh

- ekonomicheskikh svyazei. Vladivostok. 2018. S. 250.
4. Kovalev Yu.Yu. Innovatsionnyi sektor mirovoi ekonomiki. Ekaterinburg. 2017. S. 180.
 5. Lipets Yu.G., Pulyarkin V.A., Shlikhter S.B. Geogrpfia mirovogo khozyaistva. M., 2017. S. 400.
 6. Sravnitel'nyi analiz ekonomik stran, vkhodyashchikh v BRIKS. M., 2018. S. 340.
 7. Rodionova I.A. Promyshlennost' mira: territorial'nye sdvigi vo vtoroi polovine KhKh veka. M., 2002. S. 368.
 8. Ekonomika innovatsionnogo razvitiya / pod red.M.V. Kudinova. I M.A. Sazhinoi. M., 2018. S. 272.
 9. Porter. M. D. Konkurentsia. Per. s angl. M.: Vil'yams, 2003. S. 495.
 10. Seligmen B. Menger, fon Vizer i vozniknovenie avstriiskoi shkoly // Osnovnye techeniya sovremennoi ekonomicheskoi mysli. – M.: Progress, 1968. – 600 s.
 11. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii / F. Fukuyama; Per. s angl. MB. Levina. – M.", 2013. S. M.: OOO "Izdatel'stvo ACT": OAO "LYuKS". – 349.
 12. Khaiek F. A. Glava 5. Dzhozef Shumpeter (1883—1950). Metodologicheskii individualizm // Sud'by liberalizma v XX veke. – M.: IRISEN, 2009. – 337 s.
 13. Shumpeter I. teoriya ekonomicheskogo razvitiya. M. Ekonomika. S. 347.
 14. Shumpeter I. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M. 1995. 540 s.

Vision of the image of Russia by Europeans from 2000 to 2014

Vedernikova Maria Igorevna

Postgraduate student, Saint Petersburg State University

125993, Russia, Saint Petersburg, Smolnystr., 1/3 Entrance No. 7, p. 3.

✉ maria.vedernikowa@yandex.ru

Abstract. In this study, an attempt is made to form a holistic view of the image of Russia in Europe on the example of the image of the country in the UK, France and Germany, which was formed in the period from 2000 to 2014, i.e. before the annexation of Crimea to Russia, since this event had negative consequences for the image of Russia in European countries and after it the image significantly deteriorated. The choice of the object and subject of research is dictated by the purpose of this work. The object is the image of the state as one of the most significant elements of "soft power", and the subject is the image of Russia in Europe from 2000 to 2014. The purpose of this study is to examine the image of Russia during this period in European countries (using the example of the image of Russia in the UK, France and Germany). The research methodology is based on the principles of scientific objectivity and consistency: materials are selected and considered in the context of the situation, and facts and events are analyzed comprehensively. An important role in the research was assigned to general scientific research methods – content analysis and comparative analysis. The interdisciplinary approach makes it possible to use the achievements of such sciences as political science, image studies, sociology, psychology and marketing in the work. The territorial boundaries of the study cover countries such as the United Kingdom, Germany and France. The scientific novelty of the work consists in a comprehensive analysis of the factors influencing the perception of the image of the Russian Federation in Europe during this period. It can be stated that in the 2000s, in the context of the problem of perception of the image of Russia in the UK, France and Germany, ethnocentrism and altruistic democracy were significant concepts. It is also important to note that in the 2000s, not only negative, but also

some positive characteristics of Russia's image were presented in European countries.

Keywords: France, Germany, Great Britain, EU, Europe, Russia, PR, perception, image, promotion

References (transliterated)

1. Batalov E.Ya. Evropeiskie obrazy Rossii: vchera, segodnya, zavtra. Rossiya v Evrope. Pod red. V.V. Zhurkina (otv. red.) i dr. M., In-t Evropy RAN: Rus. souvenir, 2007. S. 48–69.
2. Nosov M. G. Rossiya i Zapad: stereotipy i real'nost'. Rossiya v Evrope. Pod red. V.V. Zhurkina (otv. red.) i dr. M., In-t Evropy RAN: Rus. souvenir, 2007. S. 7–13.
3. Khaitun A. D. Rossiya – Evrosoyuz: energeticheskaya bezopasnost'. Sovremennaya Evropa. 2013. № 4 (56). S. 129–139.
4. Brown G. This is how we will stand up to Russia's naked aggression. The Observer. 31.08.2008.
5. Shmelev N. P., Fedorov V. P. Evrosoyuz – Rossiya: mera sotrudnichestva. Sovremennaya Evropa. 2011. № 2 (46). S. 5–25.
6. Khaitun A. D. Novye realii evropeiskogo gazovogo rynka. Sovremennaya Evropa. 2016. № 1 (67). S. 95–106.
7. Forsberg T. Status conflicts between Russia and the West: Perceptions and emotional biases. Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. №3–4. P. 323–331.
8. Feklyunina V. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West. Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60, Issue 4. P. 605–629.
9. Rubinskii Yu.I., Maksimychiev I.F. Rossiya i franko-germanskii tandem: istoriya, problemy, perspektivy. M.: In-t Evropy RAN: Rus. souvenir, 2009.
10. Rubinskii Yu.I. Obraz Rossii v Evrope: opyt Frantsii. Rossiya v Evrope. Pod red. V.V. Zhurkina (otv. red.) i dr. M., In-t Evropy RAN: Rus. souvenir, 2007. S. 107–127.
11. Vakalova A. Yu. Chechenskaya voyna vo frantsuzskikh SMI. Ee vliyanie na imidzh Rossii vo Frantsii. Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii. 2010. № 26. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2010. S. 65–68.
12. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Obraz Rossii na Zapade: dialektika predstavlenii v kontekste mirovogo razvitiya (k postanovke problemy). Polis. Politicheskie issledovaniya. 2006. № 6. S. 110–124.